

ЛУНАРА НОКТИС

КОЛОДА ЛЖИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ — КАРТА В ЧУЖОЙ КОЛОДЕ.

НО ДАЖЕ У КАРТ БЫВАЮТ КОЗЫРИ

18+

Лунара Ноктис

Колода лжи

<https://litres.ru/74341978>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где правят двадцать два бессмертных Аркана, каждый жест - часть вечной игры. Линет, девушка с острым языком, никогда не мечтала о внимании богов. Ей бы просто уберечь сестру от опасного города.

Но когда в её жизнь врывается бродячий театр самого непредсказуемого Аркана - Шута, - правила меняются. Её бросают в самое сердце безумия, где каждый может стать её палачом.

Чтобы выжить, ей придётся пройти череду смертельных испытаний. Лабиринт, вытаскивающий наружу самые постыдные тайны, и Лес, где детские сказки охотятся на тех, кто в них верит. Шут наблюдает за каждым её шагом с опасным любопытством. Он спасает и угрожает, дразнит и предостерегает.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	76
Глав	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Колода лжи

Глава 1

— Дамы и господа! Приглашаем вас поучаствовать в состязание, которое проводится раз в пятьдесят лет! Победитель вознесется к самым небесам тлена, станет одним из нас и получит возможность вырвать свою долю у вечности!

Мужчина на помосте отвесил такой низкий поклон, будто собирался переломиться пополам. Он напоминал ожившую куклу, которую слишком долго хранили в сыром сундуке: некогда роскошный костюм цвета запёкшейся крови вытерся на локтях, золотая вышивка потемнела, а движения были настолько плавными, что казались заученными до последнего поворота кисти. Даже улыбался он неправильно — слишком широко, слишком белыми зубами, словно пытался убедить всех, что под человеческой кожей действительно скрывается человек.

— Особенно вы, дамы... — протянул он, скользя взглядом по толпе, пока не остановился на мне.

Я закатила глаза и машинально разгладила голубой шёлк на бедре, тут же наткнувшись пальцами на новый разрыв. Прекрасно. Единственное приличное платье уже выглядело так, словно пережило небольшую волну. А ведь я собиралась в нём к Гейблу — тому самому Гейблу, чьи жирные пальцы

обладали удивительным даром совершенно случайно оказываться на моих бёдрах. Пожалуй, городская грязь была для платья куда более достойным концом, чем дешёвый бренди и его влажное дыхание возле моего уха.

Толпа вокруг помоста загудела. Кто-то засмеялся слишком громко, кто-то, наоборот, начал пятиться, а женщина рядом со мной прижала ребёнка к груди. Её реакция казалась мне куда разумнее восторженных воплей тех идиотов, которые уже проталкивались ближе. Раз в пятьдесят лет Арканы набирали смертных для своих Колод — по двадцать два человека для каждого. Если верить сказкам, победителя ждали золото, власть и место рядом с существами, которых половина мира называла богами. Но как по мне, более реалистичная перспектива для них — это закрытые гробы. Если оставалось что закрывать.

— Дамы и господа! Куда да же вы разбегаетесь? Бежите от своего величия? — зазывала театрально развёл руки, и люди действительно замерли. Не потому, что внезапно передумали уходить, а потому, что испугались. Он выдержал паузу, явно наслаждаясь вниманием, после чего улыбнулся ещё шире. — В этом году сенсация! Наш всеми обожаемый, всеми страшимый, непредсказуемый, божественно-безумный Шут... **СОИЗВОЛИЛ СОГЛАСИТЬСЯ!** Впервые за двести лет!

Площадь на мгновение стихла. Даже ветер словно забыл, что должен трепать вывески на лавках. Я перестала теревить

платье и нахмурилась. Двести лет Шут не участвовал в Со-
стызании — и вдруг решил вернуться именно сейчас. Почему? Любопытство царапнуло изнутри, но я быстро задавила
его. Оно вообще редко приводило к чему-то хорошему, осо-
бенно когда предметом интереса становилось бессмертное
существо, способное превратить человека в кровавое укра-
шение просто потому, что ему стало скучно.

— Он будет играть! — продолжал мужчина. — И вы мо-
жете стать его партнёрами в этом восхитительном танце ха-
оса! Двадцать один счастливчик! Подходите! Не бойтесь...и-
ли бойтесь. Так даже интереснее.

Несколько человек нервно рассмеялись, но мне было не
до смеха. Двадцать один Арканов. Всего их было двадцать
два, и один из них почему-то решил вернуться в игру именно
сейчас, а один наоборот — воздержался от участия. Я раз-
вернулась и нырнула в ближайший переулок, оставляя по-
зади крики зазывалы и толпу, в которой страх уже начинал
смешиваться с восторгом. Такие, как он, никогда не были
настоящей угрозой. Марионетки редко опасны сами по себе;
бояться стоит того, кто держит нити. А Арканы держали их
слишком много. Иногда мне казалось, что весь наш мир ви-
сит у них на пальцах.

Дом встретил меня перекошенными ставнями и старой
дубовой дверью, которая протяжно взывала, когда я толкнула
её плечом. Внутри пахло воском, сухими травами и старым
деревом. Первый этаж тонул в темноте, только наверху дро-

жали несколько огоньков свечей. Я уже положила ладонь на перила, когда из чёрного проёма метнулась тень.

— Ты ходила без меня на этот кукольный балаган?

Я дёрнулась и едва не врезала сестре локтем. Дрианта появилась в дверях кухни со свечой в руке — тонкая, босая, в простой льняной ночнушке. Рыжие волосы рассыпались по плечам огненной копной, а зелёные глаза смотрели на меня с таким возмущением, будто предательство века совершила именно я.

Я открыла рот, собираясь ответить, и вдруг заметила серебряный блеск возле её лица. Подойдя ближе, отвела волосы от виска и увидела новые серьги.

— Ты была на площади? — спросила я.

Дрианта чуть вскинула подбородок, и этого оказалось достаточно.

— Ты совсем с ума сошла? Я сотню раз говорила тебе держаться подальше от всего этого!

— Не кричи на меня.

— Я буду кричать столько, сколько захочу, если ты продолжишь делать всё возможное, чтобы однажды я нашла твою голову отдельно от тела.

— Я просто посмотрела.

— Просто посмотрела? Ты ещё фонарь на шею повесь, чтобы Арканам проще было проще тебя заметить.

Она развернулась и ушла в кухню, а я последовала за ней. По пути Дрианта касалась пальцами свечей, и пламя одно за

другим вспыхивало в темноте. Наши тени росли на стенах, сталкивались, ломались и снова расходились.

— Такое бывает раз в полвека, — бросила она через плечо. — Я просто хотела посмотреть.

— На людей, которые добровольно идут умирать?

— Не все умирают.

— Верно. Некоторых сначала калечат.

— Линет.

— Очень обнадёживает.

Дрианта резко обернулась.

— Меня всё равно не выберут. Мне восемнадцать.

— Именно поэтому я и ору. Формально отбор начинается с двадцати одного, но в прошлый раз забрали семнадцатилетнего мальчишку из Колоды Смерти. Через три дня его нашли у городских ворот, и я сомневаюсь, что тебе хотелось бы узнать, сколько частей у человеческого тела может быть после встречи с Арканом.

Дрианта замолчала, а я, разозлившись уже не на неё, продолжила тише:

— Они сами создают правила и сами же рвут их, когда становится скучно. Им всё равно, сколько тебе лет. Им вообще всё равно, кто ты.

Собственный голос неожиданно дрогнул, и я замолчала. Десять лет прошло с пожара, но иногда мне казалось, что я всё ещё чувствую жар на лице, слышу треск балок и собственный кашель. Я снова была тринадцатилетней девчон-

кой, которая тащила через дым восьмилетний комок рыжих волос и молилась кому угодно, лишь бы крыша не рухнула прежде, чем мы выберемся.

— Линет, — мягко произнесла Дрианта и положила ладонь мне на плечо. — Прости. Я просто хотела посмотреть.

— Когда-нибудь твоё “просто” меня убьёт.

— Зато меня не выберут, — сказала она и вдруг отступила, раскинув руки. — Посмотри на меня. Я слишком хрупкая.

— Ты одно сплошное бедствие.

— Слишком нежная, — не унималась она.

— Вчера ты запустила кружкой в торговца.

— Он обсчитал меня.

Я не удержалась и усмехнулась. Дрианта тут же победно улыбнулась, а веснушки золотыми искрами рассыпались по её коже. В свете свечей она действительно могла показаться чем-то слишком светлым для нашего мира, но я знала лучше. За ангельской мордашкой жило маленькое рыжее бедствие, которое для меня навсегда останется васильком из маминого венка.

Мой взгляд скользнул по столу и остановился по газете с заголовком: *“Бродячий театр ворвался в самое сердце Колоды Влюблённых”*.

— Что это?

Дрианта просила так, что мне сразу стало не по себе.

— Ты не видела?

Я взяла газету и пробежалась глазами по тексту:

"Юные девушки и мужчины, чьи души звенят от скуки и тайн! Бродячий театр Шута разбил свой шатер в тени Разбитого моста сердец! Испытайте хаос! Испытайте новый аттракцион Шута: Лабиринт Излитых тайн. Хотите узнать секреты других? Конечно, хотите! Но для начала расскажите свой и пройдите лабиринт до конца (если сможете), а позже приходите на легендарное представление, где ваша тайна оживет и затанцует под флейту Шута. Ваш стыд — наша забава! Ваш ужас — наше украшение."

Я опустила газету.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты собиралась.

— Но...

— Нет.

Дрианта состроила оскорблённое лицо, но я снова посмотрела на гравюру под заголовком. Шут впервые за двести лет участвует в Состязании, впервые за целый век появляется во владениях Влюблённого и провозит с собой Лабиринт. Слишком много “впервые” для одного бессмертного. Говорили, когда-то Влюблённый попытался подчинить Шута своей силой и заставить его любить, но тот лишь рассмеялся и обратил чары против него. Правда это или очередная сказка, никто не знал. О Шуте вообще знали удивительно мало: даже его лицо толком не могли описать, потому что те, кто

видел его, либо забывали, либо не доживали до рассказа.

— Линет, — протянула Дрианта.

— Нет.

Она обняла меня за шею.

— Мы никогда не были в театре Шута.

— И благодаря моим блестящим решениям можем сохранить эту прекрасную традицию.

— Представь, как там красиво,..

— Представляю трупы.

— Волшебно!

— Расчленённые трупы.

— Ты невозможная.

Дрианта ткнула пальцем в газетный заголовок один раз, потом второй и третий, пока бумага не треснула. Я посмотрела на неё, она — на меня, и я закрыла глаза. Если я скажу “нет”, она всё равно пойдёт. Одна. Возможно, ночью, через окно, оставив записку вроде “не волнуйся, скоро буду! Лучше держать беса в поле зрения, чем потом искать го по моргам.

— Один раз,— сказала я.

Дрианта завизжала и бросилась мне на шею.

— Я тебя люблю!

На следующее утро мы поднялись с первыми лучами солнца. Дрианта носилась по дому так, будто собиралась не в Лабиринт Шута, а на праздник, о котором мечтала всю жизнь. Я же стояла перед зеркалом и разглаживала склад-

ки чёрного платья, пытаюсь убедить себя, что ещё не поздно сказать ей, что у меня внезапно отнялись ноги, речь и желание выходить из дома.

Чёрный казался разумным выбором. Всё-таки мы шли не на праздник. Скорее на погребение чьих-то надежд, рассудка, а может, и жизни. Никто ведь не станет считать трупы, которые оставит после себя Лабиринт. Для Шута они, наверное, были не трагедиями, а декорациями, удачно дополняющими представление.

Я провела по волосам гребнем. Он принадлежал матери и был одной из немногих вещей, переживших пожар вместе с нами. Каждый раз, когда зубцы цеплялись за пряди, воспоминания приходили сами собой: её руки, терпеливо распутывающие мои волосы, запах травяного мыла, тихое ворчание отца из соседней комнаты. Я резко провела гребнем ещё раз, будто могла вычесать из головы прошлое вместе со спутанными прядями.

Не получилось.

Я распустила волосы, и они тёмной волной упали на плечи, прикрывая старый шрам от пожара. Так лучше. Сегодня всё лишнее следовало спрятать. Особенно то, чем кто-нибудь мог воспользоваться.

— Лин! Ты готова? – голос Дрианты пробился сквозь дверь вместе с топотом и звоном каких-то бусин.

Я не успела ответить, когда она уже появилась в комнате. В зеркале за моей спиной вспыхнули рыжие волосы и

алое платье, больше похожее на лепестки ядовитого цветка. Дрианта выглядела так, будто сама собиралась стать частью представления.

— С скромнее ничего не нашло? — спросила я у Дрианты, не оборачиваясь к ней.

— Нет.

Я покачала головой, но спорить не стала. Если Лабиринт действительно выбирал людей по каким-то своим изощрённым правилам, то платье Дрианты вряд ли что-то изменит.

На улице нас встретили взгляды. Дрианту провожали восхищёнными, меня — куда более привычными. Я замечала, как мужчины задерживали на сестре глаза дольше положенного, как женщины улыбались ей, как дети оборачивались вслед за рыжими волосами. А потом те же люди смотрели на меня и будто вспоминали, что в мире существуют дурные приметы.

— Ведьма, — прошептала женщина неподалёку и поспешно увидела ребёнка в сторону.

Такая мелочь никогда не затрагивала меня. Ком сарказма подкатил к горлу, вырываясь коротким, колючим смешком. Я никогда не была любезна к людям, поэтому они сразу поставили на мне ярлык — Ведьма. Как только они меня не называли: карта без масти, теневой наследник. Но настоящее имя существ, за которых меня по ошибке принимают — Пограничные Ткачи. Полукровки, рожденные от крови Аркана и людей. Отпрыски, которые никогда не были нужны Арка-

нам. Люди сами выбирают кому становиться изгоем. Один, второй слух — и об этом уже узнает весь город.

Ткачи получают силу от Арканов, но совсем незначительную. Арканы милостиво делятся крохами — ровно столько, чтобы их отродье не сдохло сразу, но и не осмелилось поднять голову. Великодушные, не иначе.

К Ткачам я отношения не имела, но доказательства никогда не интересовали.

— Лин, — Дрианта впиалась в рукав, будто собиралась оторвать руку. Она шипела сквозь зубы, не сводя глаз с плящей толпы: — Хватит так на них глазеть! Ты совсем о репутации не думаешь! — Ее шепот был полон драматического ужаса. — А как же замужество?! Ты же не хочешь остаться старой девой? На последнее-то свидание ты даже не явилась!

Я медленно повернула к ней голову. Подняла одну бровь. Потом другую. И громко, на всю улицу, расхохоталась.

— Я даю им ровно то, чего они так жаждут. Зрелище. Их испуганным сердечкам требуется чудовище под кроватью. Вот я и играю эту роль. Бесплатно. С душой.

Мной восхищаются? Безусловно. Тайно. Сквозь щель в заборе. Мужчины мечтают заполучить меня на ложе кучами. Они видят не меня, а лазейку. Секрет, который можно вытянуть измученными стонами и лживыми нежностями, чтобы потом с гордостью преподнести Дьяволу, как билетик в лучшую жизнь: *«Вот, ваше Мрачное Величество, тайны той самой! Обменяйте, пожалуйста, на мешочек золота и бес-*

смертие!" Смешно. Я сплю с ними иногда. Ради забавы. И конечно денег.

— Мы почти пришли! — восторженно пропищала Дрианта.

Я подняла голову и сразу же забыла обо всём.

Театр Шута невозможно было спутать ни с чем.

Гигантский шатёр из чёрного бархата и тёмной кожи вздымался над крышами домов, словно кто-то вырастил посреди Колоды Влюблённых чудовищный кокон. Изогнутые шпильки уходили высоко в небо, а на их вершинах висели золотые маски. Одни смеялись, другие плакали рубиновыми слезами. Я знала, что они не живые, но всё равно поймала себя на ощущении, будто несколько масок повернулись вслед за нами

Воздух вокруг театра дрожал от низкого, почти неслышимого гула. Он ощущался скорее кожей, чем ушами, и отдавал в рёбрах.

А потом я увидела Лабиринт.

Он возвышался за шатром зелёной стеной настолько высокой, что верхушка растворялась в сером небе. Листья переплетались плотно, не пропуская внутрь ни единого луча. Сначала мне показалось, что их шевелит ветер, но воздух стоял неподвижно. Стена двигалась сама. Медленно поднималась и опускалась, словно огромная грудная клетка.

Всю территорию окружал высокий железный забор, возле входа уже толпились сотни людей. Мужчины, женщины,

подростки — все пытались протиснуться ближе, словно не замечали, что идут не на ярморочный аттракцион, а прямо в пасть чему-то живому.

— Ну вот! — фыркнула Дрианта и недовольно поджала губы. — А я думала, что мы не будем последние!

— Последними? Ошибаешься, василек. Последние будут те, кого Лабиринт пережует и выплюнет в виде мокрого места.

Дрианта фыркнула, но в её глазах мелькнул не то испуг, не то восхищение моим юмором.

— Лин, ты ужасна.

— Спасибо, стараюсь.

Очередь двигалась мучительно медленно. Мы простояли достаточно, чтобы солнце поднялось выше. Дрианта трижды пожаловалась на жару, а я пять раз решила, что нам нужно развернуться и уйти. Но каждый раз оставалась на месте. Любопытство уже впилося когтями слишком глубоко.

Мне хотелось увидеть, что находится внутри. Хотелось понять, почему Шут привёз Лабиринт именно сюда и почему вообще вернулся после стольких лет. Я убеждала себя, что это обычный интерес, но внутреннее чутьё шептало совсем другое: некоторые вопросы лучше не задавать, если не готов услышать ответ.

Наконец впереди осталась всего одна пара. Потом и они исчезли за воротами, а перед нами оказался тот самый мужчина, который вчера объявлял Состязание.

— Прелестная дама... — его голос зазвенел.

Он изящным жестом протянул мне необычный кристалл в форме хрупкой синей слезы. Она пульсировала изнутри тусклым, холодным светом, и едва пальцы сомкнулись вокруг нее, по руке пробежал ледяной ток — прикосновение самого Лабиринта.

— Лабиринт ждёт вас, — прошептал он, и его губы растянулись в слишком широкой улыбке, — чтобы принять в свои объятия!

— А если я не хочу, чтобы он меня ждал? — с недовольством я спросила у него. Нет. Мне правда не нравится, что мне вручают какой-то кристалл и отправляют в Лабиринт.

— Тогда он будет ждать особенно сильно.

Отвратительный ответ.

Я всё таки взяла кристалл, и холод мгновенно вонзился в ладонь. Не коснулся кожи, а именно проник внутрь, прошёлся по пальцам и запястью ледяной волной.

— Какого... — прошептала я, уже намереваясь отдать кристалл обратно.

— А как же я?! — вскрикнула Дрианта, и в ее голосе звенела не просто зависть, а обиженное неистовство. Она жадно впилась взглядом в мерцающую Слезу у меня в руке.

Зазывала рассмеялся и щёлкнул её по кончику носа.

— А вы, дорогой василек, не созданы для лабиринта. Ваша тайна слишком чиста, слишком светлая. А Лабиринт жаждет грязи.

Я медленно повернула к нему голову. Василёк. Так Дрианту называла только я. Внутри стало холоднее, чем от кристалла.

Мужчина будто не заметил моей реакции и снова улыбнулся. Я посмотрела на Слезу, затем на Лабиринт и резко протянула кристалл обратно.

— Заберите.

Он спрятал руки за спину.

— Боюсь, поздно.

— Я не собираюсь туда идти.

На последних словах голос всё-таки дрогнул. Страх вырвался наружу — коротко, почти незаметно но мужчина услышал.

— Нет, нет, прелестнейшая! — он резко застыл, делая паузу, но тут же отмер и замахал руками, словно крылья испуганно птицы, — Лабиринт сам выбирает кого впустить. Отказаться? Он обидится.... А обиженный лабиринт становится невежливый.

Холодная волна прокатилась по телу снизу вверх. Не к добру. Разум подсказывал взять Дрианту за руку и уйти отсюда как можно дальше. Это был хороший план. Поэтому мой рот, как обычно, решил уничтожить его первым.

Я приподняла бровь и спросила:

— Лабиринт, говорите? Любопытно. А я-то полагала, здесь обычный балаган, где главный фокусник прячется за ширмой и дёргает за ниточки.

— Линет, что ты устраиваешь!? — прошипела в мою сторону сестра и впилась ногтями в мою ладонь.

Я не обратила на нее внимание и впилась взглядом в человека. Наверное, страх просто всегда действовал на меня неправильно. Большинство людей отступали, когда чувствовали опасность. Я начинала злиться, потому что злость хотя бы давала ощущение контроля.

За его глазами шевельнулась бездна. Вдруг, чернота полностью заполонила глаза, поглотив радужки и белки, но также быстро исчезла, как и появилась. Теперь губы мужчины стали похожими на хищный оскал. Я громко сглотнула, выдавая свой липкий страх. *Попала. На представление пожаловал сам Шут.*

— Ну что ж... — его голос изменился, стал опасным. Он ощупывал меня взглядом от макушки до кончиков туфель, задерживаясь на изгибах тела под черным шелком. — Черный вам, конечно, идет, но голубой красит вас больше. Вы пахнете... — он втянул воздух, будто ловя аромат редкого вина, — ...так сладко. Лабиринт облизнется.

Я выпрямилась, заставляя дрожь в коленях замолкнуть. Он сейчас издевается!? Намекает, что мой страх пахнет сладко? Сердце бешено стучало, но голос вышел ледяно-ровным, отточенным годами выживания:

— Думаю, Лабиринт предпочитает свежий аромат. Мой страх — он черствый. Засохший. Вряд ли такое тронет искусственного гурмана.

Проглотить — подавиться ублюдоком. На миг в бездне глаз вспыхнула красная точка. Не гнев, а восторг от вызова.

— О, вы прелестны! — воскликнул он, и в голосе снова заплясали сладкие, фальшивые нотки, но теперь они были отравлены его истинной сутью.— Лабиринт обожает вызовы! Особенно от таких... вкусных игроков! — Его ледяной взгляд продолжал ползти по коже.

Я резко развернулась к Дрианте, хватая ее за запястье так крепко, что она вскрикнула. Надо убираться отсюда. Сейчас же.

И в этот миг за спиной грянул ливень аплодисментов. Безумный, лихорадочный стук сотен ладоней. Я обернулась. Там, где секунду назад стоял Шут в оболочке мужчины, висел лишь серебристый дымок, пахнувший горьким миндалем и жженным сахаром.

— Не задерживайте очередь! — закричали ото всюду люди. Еще не много, и они начнут камнями кидаться в меня.

Назад было не пройти. Единственный выход — войти внутрь. Но прежде, чем я успела это сделать — Дрианта потянула меня вперед, уводя в сторону от осуждающих глаз толпы, в тень огромного шатра.

— Ты это тоже видела!? — испуганно прошептала она, постоянно оглядываясь по сторонам, ее глаза были огромными от ужаса и возбуждения. — Почему никто не заметил, кроме нас!? Ты решила испытать гнев Аркана? Ты сумасшедшая?!

Я хотела ответить ей, отогнать этот панический блеск в

ее изумрудных глазах, но слова застряли в горле. Их перебил тот же сладковато-пронзительный голос, разносящийся теперь не только у входа, но, казалось, из самой тени шатра:

— Дамы и господа, прошу подойти обладателей Слезы-Капли! Первые десять счастливицк удостоены чести открыть танец в Лабиринте! Поторопитесь, пока он не передумал ждать!

— Линет, — прошептала Дрианта, ее пальцы впились мне в предплечье, холодные и дрожащие. Ее голос был тонкой струной, вот-вот готовой лопнуть.

— Дрианта, я... — Я попыталась собрать мысли, сжать страх в кулак вместе с ледяной Слезой.

— Леди Линет! — Голос зазывалы взвизгнул, словно скрип несмазанных колес. Он выделял меня, ставя мишень на спину. — Мы ждем только вас! Остальные счастливицки уже у ворот Лабиринта!

Я открыла рот, чтобы рывкнуть что-то колкое, что-то, что заставит этого болвана замолчать, но сомкнула челюсти с такой силой, что зубы клацнули. Мама была права. Мой язык всегда поворачивается острием ко мне. Мой взгляд, метнувшись в поисках выхода, но зацепился за тень у самого основания гигантского шатра. И вот тут я поняла, с кристальной ясностью, что вляпалась не просто по уши, а по макушку.

В глубокой, неестественно густой тени, пьющей солнечный свет стоял Он. Сам Шут. Но не в поношенном фраке, а в костюме Арлекина — лоскуты бархата и шелка, пестрые,

как бред горячки, алые, изумрудные, мертвенно-белые, переплетенные золотыми нитями, похожими на цепи. Его глаза скрывала маска, из которой был виден зелёный блеск его ядовитых глаз. Люди проходили мимо, буквально в сантиметрах, не замечая его. Их взгляды скользили сквозь него, как сквозь дым. Один парень даже споткнулся о край его развевающегося рукава, ругнулся и пошел дальше, не понимая, обо что споткнулся. Он здесь. Физически. И только я вижу. Или он позволяет себя видеть только мне.

Даже с такого расстояния я увидела его ухмылку. Он сделал театральный, преувеличенно низкий поклон. А затем изящно указал своими пальцами в сторону Лабиринта.

Я сжала Слезу в кулаке так сильно, что острые грани впились в ладонь. Боль была острой, чистой. Но это было ничто по сравнению с волной, хлынувшей из кристалла. Он не просто обжигал — он впивался.

— Любишь драму, господин Шут? — прошипела я так тихо, что слова едва сдвинули воздух, но я знала — он услышал. Мой взгляд, полный не страха, а холодной, накопленной за годы ярости, впился в его маску, в те ядовито-зеленые щели. — Но учти, что я не из тех, кто красиво падает. Я царапаюсь. До кости.

Хочешь мою грязь, Аркан? Попробуй не подавиться.

Я резко развернулась, черное платье взметнулось. Не глядя на Дрианту, я схватила ее за руку.

— Идем, василек, — мой голос звучал хрипло, но твердо.

— Пора показать этому клоуну, что его Лабиринт – не единственное место, где водятся монстры.

С этими словами я шагнула вперед. Люди закричали что-то, но их голоса слились в немой гул. Зеленая стена не расступилась. Она схлопнулась вокруг меня, как ненасытная пасть. Последнее, что я почувствовала перед тем, как меня поглотила влажная тьма и шепот чужих тайн, был тихий, довольный смешок, прозвучавший не снаружи, а прямо у меня в голове:

— Браво, ягодка! Самый горький сок выжимают в конце!

Глава 2

Я приземлилась прямиком на задницу — и, разумеется, в самую вонючую, липкую кучу грязи. Холодная жижа, пахнущая гнилью, мгновенно пропитала тонкую ткань платья, забилась под ногти. Отвратительно. Великолепное начало.

— Чудесно. Просто божественно, — прошипела я сквозь зубы, выплевывая комок земли вперемешку с ругательством.

Подняв голову, я невольно ахнула от масштаба. Стены Лабиринта вздымались ввысь, теряясь в зловещей, сизой дымке, будто вырезанные из самой ночи. Никакого неба, только эти бесконечные плоскости зелени, уходящие куда-то вверх и растворяющиеся во мраке.

Я осторожно поднялась, чтобы снова не поскользнуться. Грязь неприятно чавкнула под сапогами и липла к коже. Вокруг стояла гробовая тишина. Ни ветра, если он тут вообще был, ни шелеста листьев. Даже проклятых ворон, этих вечных спутников городского дна, не было слышно. Только собственное прерывистое дыхание да навязчивый стук сердца в висках. Эта тишина не успокаивала — она давила, словно Лабиринт прислушивался к каждому моему движению.

Боковым зрением я заметила картину. Все стены зелени были пусты, кроме той, что рядом со мной. Я удивлённо повернулась. Изображение было безумным, сюрреалистичным, будто нарисованным в бреду. Лев и мышь стояли лицом друг

к другу, но у льва был настолько испуганный вид, его царственная грива была испуганно взъерошена. Мышь же, наоборот, была крошечной, но смотрела на льва с таким взглядом, будто готова была прямо тут и сейчас разорвать ему глотку. Внизу красовалась надпись: *Малый мышонок, Лев, попавший в сети. Перегрыз веревки — и на воле.* Лабиринт решил пошутить надо мной? Или это проделки Шута?

— Пусть Пустота поглотит тебя, Шут, — прошипела я с ледяной ясностью, сжимая кристалл в кулаке так, что его острые грани впились в ладонь. Боль была острой, отрезвляющей. Если этот древний самовлюблённый мерзавец следил за мной, пусть услышит.

— Принято к сведению, ягодка. Какое тёплое пожелание. Голос прозвучал прямо за спиной. Я резко обернулась и едва не поскользнулась. У стены уже стоял Шут, хотя секунду назад там никого не было. Самое неприятное — листья за его спиной продолжили медленно колыхаться, словно кто-то только что вышел из самой стены.

Это был уже не Арлекин, не кукольный зазывала. Это был кошмар и мечта, сплетенные воедино. Высокий, с фигурой, которую мог бы выточить скульптор, помешанный на совершенстве. Лицо — утонченное, аристократичное, с высокими скулами и властным подбородком. Волосы — густые, цвета воронова крыла, ниспадали на лоб мягкими волнами. Но глаза... Боги, эти глаза! Они горели, как тлеющие угольки в пепелище, глубоким, опасным алым. В них была только

бездонная, пугающая красота пламени. На нем был темный, почти черный камзол из тончайшей кожи, подчеркивающий плечи, и просторная рубашка с небрежно расстегнутым воротом. Он улыбался. Легко, едва заметно. И эта улыбка заставляла кровь стынуть в жилах.

— Да поглотит меня Пустота, — вырвалось у меня шепотом, против воли.

Шут слегка приподнял бровь.

— Боюсь, придётся разочаровать. Пустота пока не торопится.

Я медленно начала отступать, не сводя с него взгляда. Инстинкт буквально кричал, что рядом опасность, но Шут не делал ничего угрожающего. Он просто наблюдал, и именно это нервировало сильнее.

Он рассмеялся. Звук был низким, теплым, как мурлыканье огромного кота, и от этого еще страшнее. Покачал головой, словно наблюдал за испуганным котенком, и кивнул куда-то за мою спину. Туда, откуда я только что пришла.

Кристалл в моей руке взвыл. Не просто нагрелся, а впился в ладонь раскаленной иглой. И в тот же миг за спиной раздался громкий, сухой скрежет, как будто огромная ветка ломается под невидимым весом. Потом еще один. И еще. И топот. Тяжелый, мерный, быстрый.

Я обернулась, и ледяной ужас сковал душу.

Дерево. Нет, не просто дерево. Кукла. Огромная, неуклюжая, из корявых, темных корней и покрытых шершавой ко-

рой сучьев. Два сучка торчали вперед, как руки, а на конце одного что-то вроде клешни из сплетенных корней. Где-то на уровне моей груди зияла глубокая щель, из которой доно-силось хриплое, шипящее дыхание. А на месте головы рос-ла кривая, узловатая ветвь, увенчанная пучком сухих, ше-лестящих листьев. И оно двигалось. Корни-ноги с грохотом выдирались из земли, швыряя комья грязи, и неслись прямо на меня. Скорость невероятная для такой махины!

— Живые куклы! За мной бежит дерево! — крик сорвал-ся с губ, полный чистого, животного ужаса. Не думая, по-винуясь лишь инстинкту выживания, я рванула прочь. Но не вглубь Лабиринта, куда бежали бы все нормальные люди. Нет. Прямо мимо Шута.

Я пронеслась так близко, что почувствовала вновь запах горького миндаля. Боковым зрением увидела, как его алые глаза сузились, а уголок рта дрогнул в едва уловимой усмеш-ке. Он не двинулся с места, лишь наблюдал, как я, спотыка-ясь о корни и скользя по грязи, удираю по узкому коридору.

— Беги, беги, ягодка! — его голос догнал меня, игривый и ядовитый, словно он комментировал забавное представле-ние. — Лабиринт обожает... подвижную добычу!

Я не отвечала. Дыхание рвалось из груди, ноги горели. За спиной нарастал грохот — тяжелые удары корней о зем-лю, треск ломающихся под собственной тяжестью веток. Я петляла, как заяц, бросаясь в первый попавшийся поворот, потом в следующий. Стены мелькали зеленоватыми пятна-

ми. Кристалл в руке пылал, словно кусок льда, впившийся в плоть.

Внезапно я выскочила в небольшой тупик. Прямо передо мной — глухая стена, покрытая густым, влажным мхом. Слева и справа — выходы. Я метнулась вправо и застыла.

Из прохода навстречу выползла... вторая. Меньше первой, но не менее жуткая. Ее "тело" было сплетено из гибких ивовых прутьев, скрепленных черной, блестящей смолой. Вместо лица сплетение корней, напоминающее оскал.

Позади грохот первой куклы нарастал. Она приближалась к тупику.

Я оказалась в ловушке между двумя деревянными кошмарами. Сердце бешено колотилось, я глотала воздух. Грязь на платье вдруг показалась самым ничтожным из зол.

— Ну что, ягодка? — голос Шута раздался сверху. Я вскинула голову. Он стоял на краю высокой стены Лабиринта, балансируя с невероятной легкостью. Ветер шевелил его черные волосы. Алые глаза горели азартом. — Выбор невелик: стать дровами... или рассказать свою самую сокровенную тайну? — Он улыбнулся во весь рот, и в этой улыбке не было ничего человеческого. Только наслаждение хаосом и моим страхом.

Я сжала кристалл до хруста костяшек, готовая швырнуть ему в лицо. Вот, что происходило с людьми в Лабиринте? Они становились его частью. Но деревянные шаги с двух сторон становились все громче, все ближе. Грязь чавкала под их

корнями-ступнями. Шелест сухих листьев на "голове" первой куклы звучал как предсмертный хрип.

— В четырнадцать лет я украла кусок говядины! — выпалила я, вжавшись спиной в холодную стену Лабиринта и крепко зажмурившись.

Тишина. Только собственное сердцебиение грохотало в ушах. Сработало? Я выдохнула и уже приоткрыла один глаз, как вдруг деревянные шаги снова раздались со всех сторон. Нет, нет, нет. Они стали еще громче. Я же рассказала им тайну. Какая разница, какую тайну рассказывать? Отчаяние заставило выкрикнуть следующее:

— Я завидую своей сестре! До чертиков! Что ею вечно восхищаются, а меня считают мусором. Я тону в ее сияющей тени!

Шаги замедлились. Скрип, скрежет коры, хриплое дыхание из щелей — все замерло в опасной близости. Я не решалась открывать снова глаза. Им хватило тайны? Я впилась ладонями в кристалл, который стал тёплым, но недостаточно.

— Ягодка, кажется, им не хватает еще одной тайны. Нужна искренность, — голос Шута прозвучал совсем близко, сбоку. Всем нутром я ощущала его присутствие. Слишком близко, — Что-то... посочнее. Что-то, что жжет изнутри...

И черт возьми, он оказался прав! Шершавая, холодная, как мертвое дерево, рука одной из кукол коснулась моей запястья. Ледяное прикосновение парализовало. Инстинкт са-

мосохранения пересилил десятилетнее молчание. Слова вырвались тихим, надтреснутым шепотом, но в гробовой тишине Лабиринта они прозвучали как гром:

— Я виновата в смерти родителей! Я... Это моя вина, что наш дом загорелся!

Я сказала это вслух. Впервые со смерти родителей. Задыхаясь, я ждала. Об этом даже не знает моя сестра, ведь тогда она начнет меня ненавидеть. Трусиха. Такой я себя считаю. Никчемной трусихой. Ее ненависть сожгла бы меня заживо. Секунды, минуты. Без понятия, сколько прошло, но я так и осталась стоять на месте с закрытыми глазами. Позади меня послышался едва заметный удивлённый вздох.

— Такие грязные тайны, — его голос раздался совсем рядом, дыхание опаляло ухо, — Такая темная, сочащаяся болью душа. Восхитительно.

Я резко открыла глаза, не видя кукол, видя толькоалый ответ его глаз где-то в тени.

— Не грязнее твоих, Аркан, — выплюнула я с ненавистью, оттолкнулась от стены и бросилась вглубь Лабиринта, проскочив мимо замерших деревянных фигур.

Бежать! Только бежать! Ноги сами несли меня по извилистым коридорам. Я ловко перепрыгивала камни и выступы, на удивление ни разу не шлепнулась в грязь. Нужно срочно найти выход из Лабиринта, но длинное, рваное платье замедляло движения. Не останавливаясь, на бегу, я с силой рванула ткань, обнажив ноги до середины колен.

— Какая прелесть! — Его смех, легкий и ядовитый, покатился эхом по камням, будто исходя ото всюду сразу. — Совсем стыд потеряли, ягодка? Прямо в сердце моего Лабиринта решили предаться... утехам? Или это новый способ отвлечь моих стражей?

Смешно, убудок? Я стиснула зубы, не давая себе ответить. Он только этого и ждет. Не дождётся! Лабиринт все не кончался, будто и выхода не было. Лёгкие болезненно покалывали от нехватки воздуха, а бок невыносимо болел. Я бежала, и казалось, его дыхание — горячее и чуждое — ощущается прямо у меня на затылке.

Внезапно — ледяной ожог! Кристалл в моей руке превратился в кусок полярного льда, обжигая ладонь до боли. Я чуть не вскрикнула. Что? Я пробежала мимо узкого прохода справа всего пару шагов назад. Мысль ударила как молния: *Чем ближе к выходу — тем холоднее Слеза!*

Не раздумывая, я резко развернулась на пятках, чуть не поскользнувшись, и рванула в тот самый проход.

Шут одобрительно хмыкнул за моей спиной, но больше я не ощущала его присутствия. Иллюзия безопасности. Он всегда рядом. Наблюдал.

Я петляла по Лабиринту, ориентируясь по ледяному жжению ладони. Кристалл стал таким холодным, что боль была почти невыносимой, пальцы немели. Но я сжимала его крепче. Не отпущу! Дойду! И вот он — вдалеке, за поворотом: спасительный прямоугольник света! Из него доносился гул

толпы, смешанные возгласы — может быть, одобрения, может быть, просто шум. Выход!

— Линет! — с криком, полным облегчения, Дрианта бросилась на мою шею.

Но возгласы сменились на проклятия и ненависть. Я не увидела вокруг себя ни одного человека, который отправился со мной в Лабиринт. Куклы... Мысль пронзила меня мгновенно. Они превратились в безвольных кукол. Вот что происходит с людьми, которые не решались раскрыть свою самую сокровенную тайну... Или попросту не успели. Лабиринт пополняет запасы своих стражей.

Я хотела крикнуть всем, рассказать, что скрывает в себе Лабиринт, но внезапно все люди начали хлопать и одобрительно свистеть. Я медленно, как в тумане, повернула голову и увидела, как девять человек с остекленевшими, пустыми глазами и неестественно ровными улыбками строем выходят из Лабиринта. Точные копии, лишённые души.

— Вот видишь, — Дрианта взяла меня за руку, ее голос звучал успокаивающе, и кивком указала на людей, — Ничего страшного не происходит. Страх, веселье — и ничего более. Выглядишь бледной, все в порядке?

Я открыла рот, чтобы закричать: "Это не они! Настоящие остались внутри" — но как только хотела вымолвить хоть слово о том, что происходило в Лабиринте, голос будто перекрыли невидимой рукой. Как люди не видят, что это неодушевлённые двойники!? Настоящие — остались внутри, ста-

ли частью кошмара!

Рукой тронула подол платья и изумлённо посмотрела на ткань. Она была такой же чистой, как до Лабиринта. Никаких рваных нитей, никакой грязи. Вообще ничего такого, что могло бы сойти на пыльную прогулку по Лабиринте. Шут решил приодеться меня? Чтобы другие не догадывались что творится в Лабиринте?

— Что с тобой? — обеспокоенно, с искренним испугом спросила меня сестра.

— Все нормально, — резко, почти грубо произнесла я и изумленно ахнула. Магия не позволяет мне вымолвить и слова про Лабиринт. Это дело проклятого Шута!

— Дамы и господа! — уже знакомый слащаво-пронзительный голос зазывалы раздался посреди толпы, на мгновение заглушив шум, — Остальные везунчики поучаствуют чуть позже, но Вы! — он снова выделил меня, растягивая губы в широкой улыбке и едва заметно кивнул головой. — Вы первые прошли Лабиринт! Отдыхайте, веселитесь, а вечером начнется настоящее волшебство!

Я задержала взгляд на нем, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Но как только хотела отвернуться, то уловила движение на земле. Его тень. Тень, которая искажалась, принимая неестественные очертания. На месте головы отражался остроконечный колпак с двумя бубенцами, а в месте, где не должно было быть ничего, кроме очертания тела и темноты, вдруг проступили две ярко-алые, горящие точки. Глаза Шу-

та! Глаза, которые подмигнули мне с безумной веселостью и исчезли, как будто их и не было.

— Дрианта, может, пойдем домой, — обратилась я к сестре, стараясь звучать спокойно, но внутри все сжалось от желания бежать прочь.

Она надула губы, скрестив руки и недовольно уставилась на меня, но тут же смягчилась, ее изумрудные глаза стали умоляющими:

— Мы пришли повеселиться, Лин. Если не хочешь, то иди, а я останусь тут. Со мной ничего не случится! Посмотри, все люди вышли невредимыми из Лабиринта! Веселятся!

— Нет, я останусь, — слишком быстро сказала, но тут же улыбнулась ей самой очаровательной улыбкой, какую только могла изобразить. Сладкая ложь для защиты.

Нет уж! Я не оставлю ее наедине с куклами-двойниками и Шутом. Не известно, что он может с ней сделать, если я покину его владения раньше, чем все должны уйти. Он обратил на меня внимание, но для чего?

Его слова в Лабиринте были двусмысленны – то угроза, то... подсказка? Какой ему в этом прок?

Я неподвижно стояла на месте, пытаюсь собрать все обрывки событий в Лабиринте воедино, но мысли путались. Дрианта изящно, как бабочка, направилась прямо вглубь толпы, увлеченная яркими шатрами, не дожидаясь меня. Я едва успела протиснуться сквозь плотную стену людей, не

желая потерять ее из вида даже на секунду.

Я догнала её и схватила за рукав платья, резко притянув к себе:

— Не отходи от меня. Ни на шаг.

Она кивнула, немного смутившись моей резкостью, но ее глаза уже снова блестели от любопытства, и мы двинулись вперед, разглядывая мелкие шатры с восхищёнными вздохами Дрианты и моей настороженностью. Сверху над одним из шатров мерцала вывеска: *Истинность судьбы*. Около входа стояла молодая девушка в струящемся, звездном платье и зазывала всех внутрь мелодичным голосом:

— Подходите! Не бойтесь приоткрыть завесу будущего! Узнайте свою судьбу! Будущее уже спешит к вам, так встретьте его во всеоружии!

Любопытство, острое и нездоровое, укололо – пройти внутрь, послушать ещё одного шарлатана под личиной мудреца. Дрианта, будто прочитала мои мысли по моему взгляду, и мы обе почти одновременно устремились ко входу. Девушка грациозно шагнула вперед, преграждая мне путь ладонью, и кивнула в сторону Дрианты:

— Вход по одному человеку. Вы можете зайти только после того, как ваша сестра выйдет.

Я нахмурила брови. Не нравится мне эта идея — оставить Дрианту одну в подозрительном шатре.

— Мы войдём только вдвоём и никак иначе. — отрезала я твёрдо, глядя девушке прямо в глаза.

Девушка открыла рот, но тут из шатра донёлся низкий, бархатистый мужской голос:

— Пусть заходят вдвоём!

Дрианта перевела взгляд на меня, ее глаза сияли ожиданием и вопросом – можно? Я медленно кивнула, но в сердце поселилась ледяная уверенность в опасности. От шатра теперь веяло не просто опасностью, а древней, хищной силой. Игра воображения после Лабиринта?

Мы осторожно прошли внутрь, озираясь по сторонам. Вокруг царил полумрак, нарушаемый лишь мерцанием десятков крошечных, разноцветных огоньков, парящих под потолком шатра, как светлячки. В центре стоял круглый стол из темного, отполированного до зеркального блеска дерева, напротив которого стояли две пары стульев, а по другую сторону восседал мужчина.

Он был самым обаянием, высеченным из мрамора ночи. Лет двадцати пяти, но с лицом вне времени, само совершенство, без единых изъянов. Светлые локоны ниспадали мягкими прядями, обрамляя лицо с безупречными чертами: высоким лбом, прямым носом, чувственным ртом и сильным подбородком. Глаза глубокого, темно-синего цвета казались бездонными. Он ничего не говорил, лишь изучал нас с невозмутимым, чуть отстраненным интересом, словно редких бабочек под стеклом. Его красота была холодной, величественной, почти пугающей в своем совершенстве, способной поспорить с самим Шутом. Мои губы мгновенно скривились в

гримасе отвращения при одной мысли о нем.

Дрианта присела на стул, зачарованно разглядывая мужчину, не скрывая восхищения. Он лишь скользнул по ней оценивающим взглядом, как по красивой безделушке, но потом его внимание приковалось ко мне. Ноздри его чуть расширились, будто ловя незнакомый, интригующий аромат. Глаза мужчины прикрылись на мгновение, а когда открылись, на его губах расцвела улыбка – ослепительная, но пугающая своей глубиной и не читаемостью. Она приковывала, как магнит.

— Интересно, — пробасил мужчина, и его голос заполнил шатер.

Я холодно взглянула на него и высокомерно приподняла бровь, ожидая продолжения.

— Маленькая Мышка и чудовищный Лев. Интересно, очень интересно, — он резко замолчал и прищурил свои бездонно синие глаза, изучая каждую черту моего лица, будто читал открытую книгу.

Я начала закипать, но тут же вспомнила картину, которая попалась мне в Лабиринте. Откуда он о ней узнал?

Мужчина, будто прочитал вопрос на моём лице, в его губах была тень насмешки:

— Кровь, страх, удивление, страсть, смерть — вечные спутники.

— О чём вы говорите? — прошипела я, сжимая кулаки.

— О вас, конечно, леди Линет. Разве есть кто-то более

многогранный? — его голос звучал как мёд.

— Что вы вкладываете в этот набор слов?

— А вы ожидали услышать что-то иное?

Меня начинала злить эта ситуация. Он отвечал вопросом на вопрос. В моих мыслях поселилась тень сомнения, что мужчина попросту насмехается надо мной, но его слова про Мышь и Льва не были взяты ниоткуда. Он определенно что-то знал и специально не договаривал.

— Что вы можете сказать обо мне? — звонко спросила Дрианта, её нетерпение было почти осязаемым.

— Леди Дрианта, — бархатистый голос мужчины смягчился, приобретая медовые нотки, разнёсся по шатру. Но тут я заметила, как его бездонный взгляд медленно, оценивающе скользит по её фигуре, от лица вниз, к груди, к талии... Мерзавец!

Он встал, изящно оперся локтями об стол, и его лицо стало приближаться к Дрианте, нарушая личное пространство. Да он прямо на моих глазах, под маской гадателя, собирался... А она как замороженная крольчиха сидела и смотрела на него широко раскрытыми, восхищенными глазами! Между ними витал не просто интерес – чувственный заряд, который он нагло испускал.

Я резко поднялась как раз в тот момент, когда его лицо было в нескольких сантиметрах от её лица! Мои руки с силой оттолкнули его от нее! Он шмякнулся задницей обратно на свой стул. Его совершенные черты исказились на мгно-

вание чистой яростью, синие глаза вспыхнули холодным огнем, кулаки сжались так, что костяшки побелели. Я начала обходить стол, встала прямо напротив него.

— О чём ты думал, извращенец!?! — закричала я, не боясь его гнева, пылая праведной яростью за сестру. — Ты себя видел? Она почти ребенок! А ты втираешься как змея! Да поглотит тебя Пустота и обрушит гнев всех Арканов!

— Я бы на твоём месте следил за языком, дикарка, — он опёрся рукой о стол, подперев подбородок, — Гнев Арканов — штука непредсказуемая. Может, он ополчится... на тебя саму? Хотя... — он сделал театральную паузу, его взгляд скользнул по мне с насмешливым сожалением, — тебе, пожалуй, нечего бояться. Но вот твоей сияющей сестрице стоит побережться. Твое личное чудовище оно уже здесь. Прямо за твоей спиной.

Я почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки, а воздух в шатре резко сгустился, наполнившись знакомым запахом. Присутствие Шута! Дрианта испуганно ахнула, ее лицо побледнело. Мое тело резко развернулось, но за спиной была только темнота и мерцающие огоньки.

Дрианта испуганно вскрикнула, и я сразу же повернулась обратно. Стул, на котором сидел мужчина, был пуст.

— Куда он исчез? — прошептала я, испуганно озираясь по сторонам, чувствуя, как сердце колотится как бешеное.

— Он сидел прямо передо мной, но... его окутал какой-то едва заметный, серебристый дымок, и он... растворился, —

Дрианта испуганно вскочила с места, не отрывая взгляда от пустого стула, — Ты бы видела его улыбку, когда он исчезал! Он смотрел на меня так... как будто знал что-то ужасное... и радовался этому.

Она повернулась в мою сторону, ее глаза были полны страха и недоумения:

— Что он хотел от меня, Лин? Кто он?

— Не знаю, — я подбежала к ней, обняла за плечи и потянула к выходу быстрыми, решительными шагами. — Точно ничего хорошего.

Я готова поклясться, что кто-то провел моим волосами, когда мы выходили. Кто это был, выяснять не хотелось, но что-то мне подсказывало, что Шут решил поиграть со мной. Игры с Арканами всегда заканчиваются кровью.

Глава 3

Домой мы летели так, будто за нами действительно кто-то гнался. Каждый шаг по знакомым, внезапно ставшим чужими улицам, отдавался ледяным эхом в висках. Тени домов сгущались неестественно плотно, и я постоянно ловила себя на том, что вскидываю голову и вглядываюсь в их зияющую черноту. Холодный взгляд скользил по спине, невидимый, но осязаемый. Может, за нами никто и не следил. А может, Шут шёл в нескольких шагах и просто позволял верить, что мы одни. После сегодняшнего дня второй вариант казался куда вероятнее.

Дрианта двигалась рядом, стараясь держать спину прямо и изображать спокойствие, однако я слишком хорошо знала сестру, чтобы поверить. Пальцы бессознательно мяли край платья, шаг то ускорялся, то замедлялся, а губы были плотны сжаты, будто она боялась, что стоит их разомкнуть — и наружу вырвется всё, что она до сих пор удерживала. Встретить одного Аркана за день было достаточно, чтобы несколько недель просыпаться от кошмаров.

Добравшись до дома, я резко распахнула дверь, практически втолкнула Дрианту внутрь и захлопнула её за нами так громко, что где-то наверху жалобно дрогнуло стекло. За окнами закат окончательно растворялся в ночи. Не сговариваясь мы принялись зажигать всё, что могло гореть. Через

несколько минут комната наполнилась тёплым золотистым светом, однако безопаснее от этого не стало. Если Шут захочет войти в наш дом, я сильно сомневалась, что несколько дверей, окон и жалких человеческих замков произведут на него хоть какое-то впечатление.

— Дрианта, будь осторожна, — тихо сказала я, опускаясь на диван и прижимая пальцы к виску. После беготни по Лабиринту всё тело ныло, в ногах всё ещё ощущалась слабость, а в голове будто кто-то медленно затягивал железный обруч. — И не думай, что всё закончилось только потому, что мы смогли вернуться домой.

Дрианта не ответила сразу. Она сидела рядом, но взгляд был устремлён куда-то сквозь стену, словно часть её до сих пор оставалась в полутёмном шатре напротив светловолосого мужчины. В свете свечей лицо казалось болезненно бледным, зелёные глаза потемнели, а руки она спрятала между коленями.

— Аркан, — наконец произнесла она едва слышно. Она коснулась моей руки, и я невольно вздрогнула от холода её пальцев.

— В лабиринте... — начала я и неожиданно замерла.

Невидимая сила, которая ещё недавно сжимала горло всякий раз, когда я пыталась заговорить о происходившем внутри, исчезла. Я осторожно повторила слово про себя, потом вслух, прислушиваясь к ощущениям. Голос оставался свободным. Значит, либо магия Шута действовала только в пре-

делах его территории, либо он сам решил больше не запрещать мне говорить. Второй вариант почему-то нравился меньше.

— Что было в Лабиринте? — Дрианта сразу повернулась ко мне, в её голосе появились тревога и почти болезненное любопытство.

Я тяжело вздохнула и начала рассказывать. С каждым словом Дрианта становилась всё бледнее. Только об одном я умолчала — о родителях. Признание, которое Лабиринт вырвал из меня, всё ещё звучало внутри настолько отчётливо, будто я произнесла его минуту назад. Даже сейчас мне казалось, что стоит закрыть глаза — и я снова увижу огонь.

Когда я закончила, сестра несколько секунд просто смотрела на меня. Затем лицо дрогнуло, губы задрожали, а слёзы наконец сорвались с ресниц.

— Линет, — её голос сорвался на надрывный шёпот. Всё её тело содрогалось в немой истерике. Я вскочила, обхватив её хрупкие плечи, прижала к себе, чувствуя, как она трясётся, как лёд её кожи проникает сквозь мою одежду. — Ты могла навсегда остаться в Лабиринте! — она выкрикнула, голос сдавленный от рыданий. — Боже, Линет! Я сама...сама тебя повела туда и чуть не обрекла на смерть! Какой же я была дурой!

И вдруг я почувствовала на прикосновение. Ледяное, но невероятно материальное давление на моё правое плечо. Точно ощущение чей-то ладони. В кармане платья кристалл

вспыхнул ледяным пожаром, прожѣг ткань и впился в бедро обжигающим холодом. Я автоматически натянула улыбку — жѣсткую, ничего не значащую маску. Но по спине пробежали мурашки. Он был здесь.

Я не повернула головы. Даже не знаю почему. Может, боялась увидеть его стоящим прямо за диваном. А может уже начала понимать, что Шуту слишком нравится наблюдать за чужой реакцией, и не хотела давать ему ещё одно маленькое развлечение.

Дрианта продолжала говорить, но слова перестали доходить досознания. Вся комната казалась теснее.

Голос Шута прозвучал прямо внутри моей головы:

— *Поднимись в свою комнату, ягодка.*

Я вздрогнула всем телом, как от удара.

Дрианта мгновенно замолчала.

— Может...тебе отдохнуть? — предложила она слишком мягко и внимательно посмотрела на меня. Её взгляд скользнул в сторону, точно на моё правое плечо, туда, где по-прежнему лежала невидимая ладонь.

На долю секунды глаза Дрианты расширились до предела, в них мелькнул не просто испуг — чистый животный страх. Затем веки дрогнули, и она снова смотрела мне в глаза. Лицо её было старательно бесстрастным, маска сестры, пытающейся взять себя в руки. Но в глубине изумрудных значком пульсировал чистый кошмар. Она знала. Она видела. Но откуда? Как? Как она могла видеть то, что было скрыто от

всех?

— Как тебе идея вечером приготовить что-то вместе? — продолжила она и натянуло улыбнулась.

Я едва не рассмеялась от абсурдности. Дрианта не готовила. Никогда. За все эти годы она могла подойти к кухне только в двух случаях: если там уже была еда или если нужно было попросить приготовить её меня. Предложение значило только одно: “Я вижу его”. Мне оставалось только кивнуть и направиться к лестнице.

Каждый шаг отдавался тяжестью внутри, потому что я прекрасно осознавала: Шут дёрнул нить — и я пошла туда, куда он велел. Я могла сколько угодно убеждать себя, что поднимаюсь ради Дрианты или потому, что хочу выяснить его намерения, но результат оставался прежним. Пешка двигалась.

Чем ближе становилась моя комната, тем холоднее казался воздух. Когда я положила ладонь на ручку двери и толкнула, то замерла на пороге.

Внутри была крошечная тьма. Не обычная темнота комнаты с закрытыми шторами. Пламя от свечей доходило ровно до порога и обрывалось, будто наталкивалось на невидимое стекло.

Я сделала осторожный шаг внутрь, как дверь с грохотом захлопнулась. Почти одновременно руки обхватили мою талию и резко толкнули глубже в комнату. Я рванула обратно, но пальцы встретили только дерево закрытой двери.

— Какой очаровательный испуг, — раздался за спиной голос Шута. Он говорил лениво и почти весело, словно наблюдал не за напуганным человеком, а за забавной сценкой в собственном театре. — Забавно, как ты старалась изобразить бесстрашие ровно до тех пор, пока не перестала видеть, откуда придёт опасность.

Я резко повернулась, пытаюсь определить его положение по голосу.

— Для существа, прожившего несколько веков, мог бы придумать развлечение посложнее, — бросила я, всматриваясь в темноту.

Где-то совсем рядом Шут тихо рассмеялся.

— Несколько веков? — переспросил Шут почти задумчиво. — Какая трогательная попытка измерить меня человеческими числами.

На моё плечо опустилась тяжёлая рука. Инстинкт сработал быстрее мыслей. Я развернулась, стиснула кулак и вложила в удар всё накопившееся раздражение. Костяшки встретились с его лицом. Звук в абсолютной темноте оказался отвратительно отчётливым.

Я застыла. Только сейчас мозг наконец успел догнать тело. Я ударила Шута. Аркана. Существо, которое, вероятно, могло разорвать меня на части раньше, чем я усела бы моргнуть. Несколько мучительных долгих секунд ничего не происходило. Потом в темноте напротив медленно вспыхнули два алых глаза.

Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть прямо в них.

— Неожиданно, — произнёс Шут.

Я вслушалась в его голос и не слышала ярости. Не слышала даже раздражения. Только холодный интерес, будто я только что сделала необычный ход, который он не предусмотрел заранее.

Алые глаза чуть сузились.

Шут приблизился, и в темноте постепенно проявилась очертания его лица. На губе темнела кровь. Он провёл по ней большим пальцем, посмотрел на алый след с таким спокойствием, будто кровь принадлежала не ему, а кому-то другому.

Через несколько секунд повреждение исчезло.

— Ты удивительно плохо оцениваешь цену собственных поступков, — произнёс он негромко. Его взгляд медленно изучал меня, но в нём не было ничего мужского или тёплого, скорее любопытство игрока, неожиданно обнаружившего, что одна из фигур способно двигаться не совсем так, как положено. — И ведешь себя неудобно.

— Не знала, что должна облегчать тебе жизнь.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— О, ягодка, ты ничего мне не должна. Пока. Но фигуры, которые постоянно двигаются против руки игрока, либо оказываются полезными, либо ломаются значительно рань-

ше остальных.

От этих слов внутри стало холоднее. Вот оно. Он действительно изучал меня. Как вещь, свойства которой ещё не определил.

— Ты был в шатре, — сказала я, стараясь удерживать голос ровным. — Когда тот мужчина исчез. Я почувствовала твоё присутствие.

Шут чуть склонил голову.

— Отличная наблюдательность. Проживёшь на пару десятков лет дольше, чем другие смертные.

И как мне воспринимать его слова. Комплимент? От Арканов комплименты всегда будут звучать смертельно.

— Ты его убил?

На его губах появилась едва заметная улыбка. А затем Шут рассмеялся.

— Ягодка, а разве его можно убить?

Ответ прозвучал так легко, что по спине прошла очередная волна холода. Я вспомнила светловолосого мужчину, его странные глаза, и то, как он знал слишком много.

— Он Аркан, — сказала я уже не спрашивая.

Шут не подтверждал и не отрицал. Просто продолжал смотреть, позволяя мне самой складывать кусочки.

— Что тебе надо от меня? — раздражение наконец прорвалось наружу. — Зачем ты таскаешься за мной?

Шут остановился, а его улыбка медленно исчезла.

— Правильный вопрос, на который ты пока не захочешь

знать ответ. Интереснее будет, если ты увидишь ответ.

— Что это значит?

— Меняю декорации.

Магия Шута, та самая, что сгущала тьму и связывала язык, вдруг сжалась вокруг нас, как удав. Воздух загустел, стал тягучим. Я пыталась вырваться изо всех сил, отчаянно, безнадёжно, чувствуя, как пространство вокруг начинает плыть, искажаться. Что-то необратимое вот-вот случится!

И в этот миг дверь в комнату с грохотом распахнулась. В проёме, очерченная светом коридора, стояла Дрианта. Её лицо было искажено чистым ужасом. Она видела Шута. Смотрела на него.

— Линет! — её крик был воплем. Она метнулась в комнату, чувствуя угрозу от Аркана, но вцепилась в мою руку мертвой хваткой.

Шут вздрогнул. Не физически — это было ощущение внезапного смещения энергии, волны чистого удивления, исходящей от него. Его глаза, на миг оторвавшись от меня, уставились на Дрианту с недоумением. Как будто он увидел нечто неожиданно ценное.

В ту же секунду серебристый думок уже поглотил нас, втягивая в воронку невесомости и тошнотворного падения. Последнее, что я увидела перед тем, как мир превратился в карусель боли, — это широко раскрытые глаза Шута, устремлённые на мою сестру.

Земля ударила по спине с жёсткой силой, выбив воздух.

Мы с Дриантой кубарем покатались по твердому полу, сплетаясь в клубок конечностей и стонов. Тошнота подкатила к горлу волной. Я едва успела отползти, прежде чем меня вывернуло наизнанку. Дрианта лежала рядом, её лицо приобрело мертвенно-зеленоватый оттенок, она судорожно глотала воздух, сжимая руку у рта.

— Позвольте помочь, — знакомый бархатистый голос прозвучал прямо над ухом. Шут. На его лице не было ни намека на кровь или синяк. Он протягивал мне руку с изящным, театральным поклоном.

Я отшвырнула его руку с силой, граничащей с истерикой. Собрав всю волю, встала на дрожащие ноги, чувствуя, как мир качается вокруг. И тут мой взгляд упал в сторону.

Рядом с Дриантой, склонившись с подчеркнутой галантностью, стоял Он. Тот самый шарлатан в шатре, вернее Аркан. Его волосы были безупречно уложены, темно-синие смотрели на мою сестру с тем же холодным интересом, что и в шатре. Он тоже протягивал руку, чтобы помочь ей.

Ледяная волна ужаса и ярости смыла остатки тошноты. Я метнулась, как пантера, встала между Дриантой и Арканом, заслонив сестру собой. Моя поза говорила сама за себя: оскал, сжатые кулаки, готовность к бою.

— Только попробуй к ней прикоснуться, — прошипела я в его сторону, впиваясь взглядом в его бездонные глаза. — Только попробуй.

За моей спиной послышался тихий, довольный смешок

Шута.

— Осторожнее, Дьявол. У неё тяжёлая рука. И невероятно живой нрав.

Дьявол? Сам Дьявол? У меня чуть челюсть не отпала, как и у Дрианты. Про Дьявола ходили весьма сомнительные слухи, даже ужасные. В колоде Дьявола вечно творился разврат, сделки, убийства. По всей колоде Дьявола стоят его лавки. В каждом городе, в каждой деревушке. Лавки, где торгуют желаниями и не только. Думаю, если захотеть, то можно купить всё что угодно: голос ребёнка, тень друга. Но плата всегда что-то личное, что-то ужасное.

— Леди Линет. Давненько не виделись. Рад видеть вас живой. Как поживаете? — Дьявол насмешливо наклонил голову в бок, ожидая моей реакции.

— Где мы находимся? — выпалила я, игнорируя его подколку. Взгляд метнулся по гигантскому залу — бесконечные арки, уходящие в сумрак коридоры, лестницы, теряющиеся в вышине. Всё выточено из полированного темного камня, впитавшего самую темную ночь.

Дьявол рассмеялся — низко, звук от которого по спине побежали мурашки.

— Какая невоспитанность, — произнёс он с притворным укором, доставая из внутреннего кармана безупречного камзола длинную, тонкую сигару. Он чиркнул спичкой, пламя осветило его безупречные черты на мгновение. — Вам тут долго не протянуть. Хотя... — он сделал медленную, наслу-

женную затяжку, выпуская кольца дыма прямо в воздух зала. Сладковато-горький, удушливый запах разлился вокруг. Я сморщилась, отмахиваясь рукой. Дьявол лишь усмехнулся шире. — ...кто знает? Судьба — дама капризная. Порой, преподносит самые...пикантные сюрпризы. — его взгляд, томный и тяжёлый, скользнул к Дрианте.

Он сделал шаг назад, к зияющему провалу одного из бесчисленных коридоров, но перед тем, как раствориться в тени, задержался. Его синие глаза, вдруг ставшие темнее полночной бездны, приковались к моей сестре. В них горело не просто любопытство — предвкушение. Голос снизошёл до интимного, обволакивающего шепота, предназначенного только для неё:

— Если тебе нужна помощь, огонёк. Просто позови меня. Я услышу и явлюсь сию же секунду.

Щёки Дрианты вспыхнули от яростного, неконтролируемого гнева.

— Катись в самую глубокую бездну, — выплюнула она, голос дрожал от ненависти. Её взгляд, против воли, скользнул по его безупречной фигуре,

Дьявол не смутился. Напротив. Его взгляд, медленно полз с её пылающего лица, он задержался на изгибе бёдер, на линии талии. В его глазах вспыхнуло нечто первобытное, хищное. Желание, настолько откровенное, что мне стало физически дурно.

— С удовольствием, — прошептал он в ответ Дрианте,

его губы изогнулись в пошлом намёке, — Особенно, если ты составишь мне компанию, огонёк.

Дрианта открыла рот для нового проклятия, но тяжелая дверь в конце зала захлопнулась с глухим, окончательным стуком. От него остался лишь клубок едкого дыма да ощущения грязного прикосновения к душе.

Я перевела дух, пытаюсь совладать с трясущимися руками, и окинула взглядом колоссальное пространство. Дворец. Не просто здание — воплощение безжалостного величия и вечности. Темный мрамор стен и колонн поглощал свет, отливая синевой глубинного льда. Потолок терялся где-то в непроглядной высоте. Мы были песчинками в чреве каменного гиганта. Шесть Дворцов Арканов. Сердце царства Правящих Аркан — Гвиндем. Столица, где безумие и магия сплетались в единый, неразрывный клубок. И мы, по воле Шута, оказались в его самом темном ядре.

Я медленно повернулась к Шуту и прошипела как разъяренная кошка:

— Куда ты нас притащил?

— В самое тёмное место, которое может существовать, — он театрально развёл руки в сторону и рассмеялся. Его смех покотился эхом по сводам — безумный, заразительный и леденящий душу. — Добро пожаловать во дворец Темных Арканов.

— Псих, — вырвалось у меня сквозь стиснутые зубы. Слова были слабым щитом против его мощи.

Воздух передо мной схлопнулся. Не моргнув, Шут материализовался в сантиметре от меня. Его движение было не просто быстрым — оно нарушало законы пространства. Ледяные пальцы, сильные, как тиски, сомкнулись вокруг моей шее, не причиняя боль. Напротив, он предупреждал меня таким образом. В глазах потемнело от шока и близости.

— Осторожнее со словами, — произнёс Шут почти ласково, но глаза были совершенно пустыми. — Иногда я смеюсь. Иногда нет. Ты никогда не узнаешь заранее.

— Отвали от неё! — яростно крикнула Дрианта, судорожно пытаясь убрать руки Шута от моей шее.

И тогда, словно по сговору, за Дриантой возник Дьявол. Его безупречная рука легла ей на плечо, а в глазах мелькнуло что-то между любопытством и раздражением.

— Не суетись, огонёк, — его голос прозвучал у неё над ухом.

Не успела Дрианта вскрикнуть, как они растворились. Исчезли без следа, оставив после себя лишь едва витающий в воздухе сладковато-горький запах его сигар.

— С ней ничего не случится, а вот с тобой может, — Шут прошипел прямо мне в лицо.

Он отпустил мою шею и моё тело рухнуло бы вниз, если бы он меня не поймал. Руки Шута притянули меня ещё ближе. Его алые глаза горели в сантиметре от моих, заполняя весь мир.

— Ты отныне представляешь моё имя. Мою карты в этой

партии. Ты — пешка с моей печатью. Умрёшь ты или выживешь — мне, в сущности, без разницы. Но если посмеешь улизнуть... — его губы растянулись в улыбке, лишенной всякой теплоты, оскал хищника, видящего добычу, —... твоя сияющая сестрица узнает твой маленький...грязный...секретик. Во всех живописных подробностях. Я позабочусь, чтобы это стало для неё адом. Я сделаю твой существование таким невыносимым. Поняла, ягодка? Ты моя. До конца игры.

В глазах всё ещё плясали черные, рваные пятна, пульсируя в такт бешеному стуку сердца. Воздух обжигал горло. Я не проронила не слезинки. Не доставлю ему такого удовольствия. Не покажу, как внутри всё сжалось в беспомощный ком от его слов, от его рук на моей шее, от исчезновения Дрианты.

Очнулась я внезапно, осознав, что холод мраморного пола сменился...мягкостью. Я лежала не на камне, а на чём-то податливом. Шёлке? Сумрак был другим — не абсолютным мраком зала, а глубоким и бархатным. Я метнула взгляд по сторонам, отчаянно пытаюсь сориентироваться. Спальня. Огромная, роскошная и пугающая. Высокий потолок, теряющийся в тенях. Тяжёлые драпировки на стенах цвета запекшейся крови. Массивная кровать с балдахином. Как? Когда? В моём помутневшем сознании не было ответа.

Шут стоял у высокого окна, спиной ко мне. Очертания его фигуры сливалось с ночью за стеклом. Он был неподвижен. Тишина висела густая, напряжённая.

Я попыталась подняться, опираясь на локоть, но тело не слушалось, предательски дрожа. Глухой стон вырвался сам собой — не от боли, а от бессилия.

Этот звук заставил его медленно обернуться. Его глаза нашли меня в полумраке. Не было в них прежнего безумного веселья или ядовитого любопытства. Был...взгляд. Пристальный, тяжёлый. Он сделал шаг в мою сторону, потом ещё один. Шаги были бесшумные, как у призрака.

Он остановился у кровати, смотря сверху вниз. Его лицо, обычно искажённое гримасой насмешки или безумия, было странно сглажено. Почти задумчиво. В алых глубинах глаз мелькнуло что-то — не раскаяние, нет. Нечто более сложное. Миг досады?

Его рука поднялась. Я замерла, готовая отпрянуть. Его пальцы, длинные и холодные, почти неуверенно коснулись моей щеки. Я широко распахнула глаза и задержала дыхание, Его действия заставили меня напрячься. Что он опять задумал? Прикосновение было призрачным, едва ощутимым и длилось мгновение.

— Жаль, — прошептал он, затем отдернул руку резко, словно обжёгшись.

Его губы сжались в тонкую, недовольную линию. Миг странной задумчивости исчез, словно его и не было.

— Отдыхай, ягодка, — голос Шута снова обрёл привычную сладковато-ядовитую интонацию, но теперь в ней звенела сталь. — Набирайся сил. Завтра.. —он повернулся к ок-

ну, к бескрайней ночи Гвиндема, —...начинается самое интересное.

Шут растворился в тени у окна не как дым, а просто перестал быть. Оставил меня одну в роскошной, но чужой тюрьме.

Глава 4

Я не сводила глаз с места, где только что растворился в воздухе Шут. По спине выступила ледяная испарина, а вдоль позвоночника прошла дрожь, никак не связанная с холодом. Он мог по-прежнему находиться здесь — стоять в сантиметре от меня, дышать в затылок, наблюдать из угла комнаты, который я считала пустым. После всего, что произошло за последние сутки, мысль о его исчезновении уже не означала, что он действительно ушёл.

— Дрианта, — имя сестры сорвалось с губ почти беззвучно.

Тревога мгновенно вытеснила всё остальное. Куда Дьявол мог утащить её? В голове одна за другой возникали самые отвратительные картины: его руки на её теле, темно-синие глаза, в которых ещё в шатре было слишком много хищного интереса, слова, похожие скорее на обещание неприятностей, чем на флирт. Я вцепилась пальцами в виски, пытаюсь заставить себя перестать представлять худшее, но страх обладал удивительным талантом дорисовывать именно то, чего больше всего боишься.

Шут ясно дал понять, что попытка сбежать закончится для меня плохо. Но сидеть в роскошной комнате и покорно ждать утра, пока Дрианта могла находиться в опасности прямо сейчас, я тоже не собиралась. Мы были во Дворце Тём-

ных Арканов, а Дьявол принадлежал к ним, значит, сестра находилась где-то здесь. Возможно, за десятком стен.

Я на цыпочках подошла к двери и осторожно дёрнула ручку. К моему удивлению, замок не щёлкнул — дверь легко открылась. Шут даже не удосужился меня запереть. То ли был настолько уверен, что я не рискну послушаться, то ли знал, что сделаю именно это. Второй вариант раздражал гораздо сильнее.

За дверью тянулся длинный тёмный коридор. По обеим сторонам стояли одинаковые двери, уходящие так далеко, что в сумраке невозможно было различить конец. Я сняла обувь, чтобы не выдавать себя стуком каблуков, и осторожно пошла вперёд, стараясь держаться ближе к стене. Заглядывать в каждую комнату было безумием: я находилась во дворце существ, для которых человеческий страх был в лучшем случае развлечением. Совершенно не хотелось узнавать, кто именно обитает за очередной красивой дверью.

— Линет...

Я резко остановилась. Голос Дрианты донёсся из темноты слева. Сердце сразу забилось быстрее.

Одна из дверей был приоткрыта, а за ней не виднелось ничего — только плотная чернота.

— Линет, быстрее! — снова прошептала сестра. В голосе отчётливо звучала привычная паника. — Заходи, пока тебя никто не увидел!

Сомнения исчезли мгновенно. Это была она. Я слишком

хорошо знала интонации Дрианты, чтобы спутать их с чужими, и поэтому осторожность уступила месту страху за неё. Я метнулась внутрь.

Дверь захлопнулась за моей спиной с таким тяжёлым, окончательным стуком, что я мгновенно поняла ошибку. Внутри царила абсолютная темнота. Ни окна, ни щели под дверью, ни единого отблеска света. Я прижалась спиной к холодному дереву и вытянула руки вперёд, пытаясь нащупать хоть что-то.

— Дрианта? — позвала я, и голос всё-таки предательски дрогнул. — Где ты? Отзовись.

— Прямо перед тобой.

Я застыла. Это была не Дрианта. Женский голос звучал низко, спокойно и насмешливо, причём настолько близко, будто незнакомка стояла всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

Я отпрянула, сильнее прижимаясь к двери.

— Кто ты? — спросила я, стараясь говорить твёрдо, хотя сердце билось уже где-то в горле.

В ответ прозвучал лишь тихий смешок.

А затем из темноты выползло пламя.

Оно не вспыхнуло сразу. Сначала появились маленькие огненные язычки в углах комнаты, затем ещё несколько прорезались между досками пола и медленно поползли вверх по стенам. Они соединялись друг с другом, росли, изгибались, словно живые существа, пока через несколько секунд поме-

щение не оказалось окружено огнём.

Жар ударил в лицо. Я перестала дышать. Запах горелого дерева оказался слишком знакомым. Тот же треск. Та же гарь. Та же удушающая смесь дыма и жара, которая десять лет назад въелась в память настолько глубоко, что иногда мне казалось: стоит закрыть глаза — и я снова окажусь там.

Мой кошмар ожил.

В центре пылающей комнаты стояла женщина. Её красота не успокаивала — наоборот, заставляла инстинктивно отступить. Острые безупречные черты лица были лишены всякого тепла, длинное платье цвета лунной пыли струилось вокруг тела, а миндалевидные глаза казались полностью чёрными. Ни белков. Ни радужки. Две глубокие пустоты, в которых не отражался даже окружающий огонь.

Пламя не касалось её. Оно окружало фигуру, вздымалось за спиной, лизало пол возле ног, но женщина стояла среди жара совершенно спокойно.

Я поняла, кто передо мной, ещё прежде, чем произнесла имя.

— Луна...

Кто ещё из тёмной троицы — Дьявола, Башни и Луны — мог бы настолько точно вытащить наружу чужой страх? Не просто показать его, а заставить тело поверить, что всё происходит снова.

Луна чуть склонила голову. Её чёрные глаза будто улыбнулись, хотя губы оставались неподвижными. От этого стало

ещё страшнее.

Огонь уже добрался до края моего платья. Я почувствовала жар на коже, и разум мгновенно перестал отличать настоящее от воспоминаний. В ушах снова зазвучали крики из прошлого. На миг мне даже показалось, что среди треска я слышу голос матери.

Нет. Я резко зажмурилась. Это не она. Это Луна.

Женщина изящно подняла руку, и перед ней в огне образовался узкий проход. Приглашение или издёвка — определить было невозможно. Она не произнесла ни слова, лишь наблюдала за мной с той холодной сосредоточенностью, с которой человек мог бы смотреть на насекомое, попавшее в стеклянный колпак.

Пламя поднялось выше. Боль стала почти невыносимой.

И тогда в комнате прозвучал знакомый голос:

— Вечно ты, Луна, одно и то же. Даже обидно.

Шут появился между нами настолько внезапно, что я не увидела ни дыма, ни движения. Просто секунду назад его не было, а теперь высокая фигура закрывала меня от Луны.

Он стоял расслабленно, почти лениво, будто ворвался не в чужой кошмар, а на скучное представление, которое уже видел слишком много раз.

Луна рассмеялась. Её смех был высоким, чистым и совершенно неуместным среди огня.

Пламя, которое секунду назад окружало меня, вдруг рвануло назад и обрушилось на саму Луну. Её платье вспыхну-

ло, кожа начала чернеть и сползать, однако она не закричала. Наоборот, улыбка становилась всё шире, пока лицо буквально сгорало у меня на глазах.

— Любопытная девушка, — произнесла Луна, хотя её рот уже был почти уничтожен пламенем. Голос звучал всё так же ясно и спокойно, будто горело чужое тело. — Не стоит оставаться одной в темноте. Никогда не знаешь, кто окажется рядом в следующий раз. Может попасться кто-нибудь менее терпеливый, чем я.

Она щёлкнула обугленными пальцами. Мгновение и пламя исчезло, словно его и не было. Дым рассеялся в ничто. В комнате стояла Луна — безупречная, нетронутая. Ни следа огня, гари или боли. Только её черные, бездонные глаза, смотрящие на меня с холодным любопытством и предостережением.

Я оглядела себя, судорожно ощупывая руки, ноги. Кожа была цела. Платье невредимо, хотя секунду назад я чувствовала, как оно тлеет. Но осадок глубоко въелся в сознание.

— Твоя игрушка, Шут, — произнесла Луна, переводя на него пустой взгляд. В голосе не слышалось ни раздражения, ни любопытства, скорее спокойная констатация очевидного факта. — Береги её получше. Такие вещи легко теряются во тьме. Ещё легче ломаются.

Она не стала ждать ответа. Повернулась и растворилась в тени так естественно, будто всегда была её частью. Несколько секунд после её исчезновения никто не говорил.

Я всё ещё тяжело дышала, пытаюсь убедить себя, что огня действительно больше нет.

Шут смотрел туда, где только что стояла Луна. Затем медленно повернулся ко мне.

Алый взгляд прошёлся по лицу, рукам, платью, задержался по коже, словно он проверял последствия чужой магии. Но в его выражении не было ни облегчения, ни тревоги. Скорее раздражённое любопытство человека, обнаружившего, что кто-то без разрешения тронул принадлежащую ему фигуру.

— Цела, — наконец произнёс он и неожиданно усмехнулся. — Как неудобно дял Луны.

Я уставилась на него.

— Ты всегда появляешься после того, как меня почти убили?

Шут приподнял бровь, будто вопрос искренне его заинтересовал.

— Почти? — на его губах появилась улыбка. — Не льсти Луне. Если бы она решила тебя убить, мы бы сейчас обсуждали совсем другую проблему.

— Какую?

— Куда деть тело, — совершенно серьёзно произнёс он. Я побледнела.

И через секунду Шут рассмеялся, словно выражение моего лица показалось ему особенно забавным.

— Хотя тело можно было бы оставить ей. Она любит су-

вениры.

Я смотрела на него, не понимая шутит он или нет. Хуже всего — я уже начинала подозревать, что для него между этими состояниями не существовало чёткой границы.

Шут вдруг перестал смеяться.

— Что ты делала здесь одна? — вопрос прозвучал резко и совершенно другим тоном.

Я моргнула.

— Искала Дрианту.

— И решила войти в первую же дверь, из которой услышала её голос?

— Это был её голос.

— Разумеется, — почти ласково отозвался Шут. — Именно поэтому ты и вошла.

Он сделал шаг ко мне, и от прежнего веселья в глазах не соталось ничего.

— Во дворце, где половина существ умеет заставить тебя увидеть то, чего нет, услышать мёртвых и поверить собственному кошмару, ты пошла за голосом в темноту.

Я стиснула зубы.

— А что мне оставалось делать? Сидеть в комнате, пока неизвестно где находится моя сестра?

Шут несколько секунд смотрел на меня неподвижно. Потом неожиданно рассмеялся и схватил меня за запястье.

— Вот поэтому с пешками вроде тебя всегда столько хлопот.

Я сразу попыталась вырваться, но пальцы лишь сильнее сомкнулись.

— Отпусти.

— Сегодня ты уже продемонстрировала своё умение выбирать направление.

В его голосе снова появилась почти весёлая издевка. Он потянул меня за собой.

Я едва успевала босиком идти по холодному полу, пока мы петляли по коридорам. Несколько раз попыталась запомнить путь, но через пару поворотов всё начало казаться одинаковым: тёмный камень, высокие двери, редкие светильники и тени, будто специально смещающиеся после нашего прохода.

Наконец Шут остановился возле очередной двери и распахнул её.

Я подозрительно посмотрела внутрь.

Комната оказалась почти такой же роскошной, как и прошлая: тяжёлые ткани, тёмная мебель, приглушенный свет. Только в дальней стене находился огромный открытый балкон, за которым раскинулся ночной Гвиндем — бескрайнее море огней и башен.

— Чья эта комната? — спросила я, не заходя дальше порога.

— Сядь,

Шут указал на массивное кресло напротив своего и сам опустился в другое.

— Это сейчас была просьба? — уточнила я.

Уголок его губ дёрнулся.

— Можешь считать её редким проявлением моего терпения.

Я всё-таки подошла к креслу и осторожно опустилась на самый край, сохраняя возможность мгновенно вскочить.

Шут некоторое время молча наблюдал.

— Ты слишком глупая или действительно решила, что бессмертна? — наконец спросил он. Вопрос прозвучал почти лениво, но взгляд стал заметно тяжелее. — Бродить ночью по Дворцу Тёмных Арканов, входить в незнакомые комнаты, отвечать голосам из темноты... Признаюсь, даже для тебя сегодняшний набор решений впечатляет.

— Куда ещё хуже? — пробормотала я и холодно посмотрела на него. — Кто здесь может быть хуже тебя?

Шут усмехнулся. А через секунду уже стоял рядом.

Он наклонился, уперев ладони в подлокотники кресла по обе стороны от меня, и пространство для отступления исчезло.

— Я тебя не трону, пока ты представляешь мою Колоду, — произнёс он тихо. — Остальные такого обещания не давали. Страж может разорвать тебя из скуки. Слуга — потому что ему приказали. Аркан — потому что ты неправильно посмотрела, слишком хорошо посмотрела или просто оказалась рядом в плохое столетие.

— Почему ты выбрал меня?

Он замолчал. Несколько секунд алые глаза просто изучали меня, словно вопрос оказался интереснее, чем я ожидала.

— Потому что ты вошла в игру не так, как остальные, — ответил он наконец. В голосе не было восхищения, — Ты споришь тогда, когда разумнее молчал, лезешь туда, откуда другие бегут, и почему-то продолжаешь выживать после решений, которые должны были тебя убить.

— Это всё?

Шут чуть улыбнулся.

— Тебе мало?

— Я хочу знать, почему именно я.

На мгновение его лицо стало совершенно серьёзным.

— А я хочу посмотреть, сколько ещё раз ты задашь этот вопрос прежде, чем поймёшь: ответ пока тебе не принадлежит.

Я нахмурилась, на что Шут неожиданно рассмеялся.

— Не смотри так трагично. Иногда незнание значительно продлевает жизнь.

Вот опять. Секунду назад он говорил так, будто предупреждал о чём-то действительно страшном, а теперь снова выглядел так, словно всё происходящее его забавляло.

Я поднялась с кресла.

— Где моя сестра?

— В безопасности, — ответил он уклончиво.

— Это не ответ.

Я подалась ближе и вцепилась пальцами в рукав его ру-

башки.

— Где Дрианта? Я хочу увидеть её сейчас.

Шут опустил взгляд на мою руку. Несколько секунд ничего не происходило. Потому он тяжело вздохнул.

— Дьявол!

Через мгновение пространство рядом с нами дрогнуло, и появились Дьявол с Дриантой.

Сестра выглядела, мягко говоря, не лучшим образом. Огненные волосы растрепались, губы были покусаны, платье помялось, а в зелёных глазах бушевала такая смесь ярости и страха, что я сразу напряглась.

Затем посмотрела на Дьявола. На его безупречной скуле красовался отчётливый синяк.

— Лин! — Дрианта увидела меня и мгновенно бросилась вперёд, обвивая руками так крепко, что я едва удержалась на ногах. — Я думала, Шут что-нибудь с тобой сделал!

Она отстранилась и быстро осмотрела меня с головы до ног.

— Он ничего не сделала? Скажи, что ничего.

— Нет, — ответил за меня Шут, откинувшись на спинку кресла с видом человека, которого глубоко оскорбило само предположение. — А должен был?

Мы с Дриантой одновременно посмотрели на него.

Шут выдержал наши взгляды несколько секунд и рассмеялся. Его внимание почти сразу переключилось на Дьявола.

— Впрочем, вижу, вы времени зря не теряли.

Алый взгляд скользнул по растрёпанным волосам Дрианты, затем остановился на синяке Дьявола.

— У вашей семьи удивительно убедительный способ вести переговоры.

Дьявол лениво улыбнулся.

— Ты даже не представляешь насколько.

— Заткнись, — процедила Дрианта, и щёки вспыхнули от злости.

Дьявол расхохотался. Перед тем как раствориться в привычном кроваво-красном дыму, он подмигнул именно Дрианте. И сразу же исчез, оставив после себя шлейф дорогого табака и напряженного молчания.

Я смотрела на Дрианту, полная вопросов. Знать подробности...не хотелось. Они были богами. Мы — игрушками. Чувства, боль, стыд — для них лишь приправа к вечному празднику.

— Комната твоей сестры за этой стеной, — Шут указал на смежную дверь. — Навестить её пара шагов. Единственный мой подарок тебе перед состязанием. Всё, как ты хотела, ягодка. Рядом. Насколько это возможно.

Серебристая дымка окутала его, и он исчез, оставив нас одних в огромной комнате, с видом на огни Гвиндема. И подарок Шута соседняя комната для Дрианты ощущался не как милость, а как новая, более изощренная ловушка, суть которой, мне до сих пор непонятна. Единственное, что было ясно — смерть дышала мне в затылок. Она была чертовски близ-

ко, каждый час в этом кошмарном замке приближал Дрианту и меня к гибели.

— Нам нужно бежать! — произнесла шепотом Дрианта.

Мои глаза всё ещё были прикованы к месту, где только что стоял он. Мне хотелось кричать, биться в истерике. Почему именно я? Почему его алый взгляд остановился именно на мне? Не в силах держаться на ногах, я тяжело опустилась на край кровати.

— Они убьют нас обоих.

Это была лишь часть правды. Главный же яд таился глубже. Правда о том, как погибли наши родители. Да, эгоистично, но она была единственным живым членом семьи. Потерять её — потерять частичку себя. Дрианта никогда не простит меня.

— Линет, — она присела рядом, и её рука с теплотой коснулась моей.

Она попыталась улыбнуться, но вдруг её лицо изменилось. Не постепенно, а мгновенно, будто маска из плоти и крови. Все эмоции стёрлись, словно их ветром сдуло. Взгляд стал плоским, пустым. А левый глаз...его зрачок затянула молочно-белая, непрозрачная пелена. Губы приоткрылись, и послышался голос, но это был не её голос. Он был низким, многослойным, будто звучал из-под земли и из самых дальних уголков комнаты одновременно.

— Ключ в изумрудной ловушке. Он дышит за твоей спиной, его руки погрязли в грехах, а сердце сокрыто в глубине

ловушки. Не дай поглотить ему тебя.

— Дрианта! — я вцепилась её в плечи, трясая, пытаюсь вырвать из этого транса. Но её тело было гибким и безвольным, как у марионетки.

Отчаявшись, я занесла руку и отвесила ей звонкую пощёчину. Звук шлепка оглушительно прокатился в тишине. Но никакой реакции. Только этот пустой взгляд. Мысль позвать Шута пронзила мозг, но я тут же отбросила её. Это было бы равноценно приглашению палача.

И тогда Дрианта снова заговорила, но теперь её настоящий, испуганный голос был обращён ко мне. Её здоровый глаз, изумрудный от ужаса, смотрел куда-то за мою спину.

— Линет...

В тот же миг в комнату ворвался холод. Не простой холод, а неестественный, мертвенный. Он обжёг легкие. И мои пальцы моментально окоченели. Чужое присутствие в комнате ощущалось так явно. Кто-то третий лишний был с нами в одной комнате. Спиной я чувствовала тяжёлый, липкий, немигающий взгляд. *“Только не Луна, только не она. Кто угодно, но не она!”*

Я повернулась всем телом, ожидая увидеть очередного Аркана. Но нет. В дальнем углу, в тяжёлой позолоченной раме, стояло зеркало. Оно пульсировало темнотой. Ноги понесли меня к нему сами, против моей воли. “Любопытство сгубит тебя” — визжала каждая клеточка моего тела. Но если не я, то это нечто сгубит Дрианту.

Моё тело застыло в метре от зеркала, не решаясь подойти ближе. “Опасность!” — яростно предупреждал меня мозг. В комнате стало настолько тихо, что я не слышала ни своего дыхания, ни биения сердца. Дрианта тоже притихла.

И тогда в глубине стекла проступила улыбка. Алая, слишком широкая. За ней таился смутный женский силуэт, тонувший в тенях. Её глаз не было видео — только черные впадины, но я чувствовала, как её глаза прожигали меня насквозь. Бледная, почти прозрачная рука с длинными пальцами приблизилась к стеклу изнутри и постучала. Два мелодичных стука.

Тук, тук.

— Кто ты? — беззвучно прошептала я.

Она ничего не ответила, а лишь ухмыльнулась. Её палец изящный палец медленно поднялся и указал в сторону балкона. Я повернула голову и сердце медленно остановилось.

Дрианта стояла на самом краю парапета, спиной к пропасти. Её фигура была неестественно прямой, а взгляд таким же пустым. И затем, беззвучно, не издав ни крика, ни стона, она шагнула назад. Её тело рухнуло вниз, растворившись в ночном мраке над сияющим городом.

— Нет! Дрианта!

Я побежала к балкону, сердце выскакивало из груди. Перегнувшись через холодный камень, я вглядывалась в темноту, но внизу зияла лишь бездна, усыпанная крошечными огоньками.

— Линет? Ты в порядке? — окликнула меня Дрианта.

Я застыла, не в силах поверить. Плавно, как во сне, обернулась. Дрианта стояла в дверном проёме нашей комнаты, живая. Но как? Только что Дрианта спрыгнула с балкона, а через секунду стоит уже позади меня. На её лице застыла грима беспокойства, волосы были слегка растрёпаны, но на ней не было и тени того ужаса, чир секунду назад свело моё собственное тело в ледяной ком.

— Ты же... — я, запинаясь, показала пальцем в черноту за балкон. — Ты...

— Что я? — её брови сдвинулись. — Лин, мы только что сидели на кровати и говорили о завтрашнем дне. Ты вдруг встала, подошла к зеркалу, закричала моё имя и бросилась на балкон. Что происходит? Ты сводишь меня с ума!

Я хотела объяснить, но мой взгляд скользнул мимо неё к зеркалу. Снова стук из зеркала, и бледная рука, медленно опускающаяся в темноте. Дрианта ничего не замечала. Её испуганный взгляд был прикован только ко мне.

— Лин, пожалуйста, пойдём спать. Завтра испытание. Тебе нужны силы. Ты должна...ты обязана выжить.

Я молча кивнула. Мы легли в одну кровать, прижавшись друг к другу, как в детстве во время грозы. Дрианта быстро заснула, её дыхание стало ровным. А я лежала и смотрела в потолок.

Зеркало манило. Оно было черным порталом в комнате, искажающей пространство. Я чувствовала его зов на физи-

ческом уровне — лёгкое покалывание в затылке, холодок вдоль позвоночника. Любопытство, смешанное с ужасом, в конце концов пересилило. Я медленно повернула голову и застыла.

Она была там. Ближе, чем прежде. Её лицо почти прижилось к стеклу с той стороны. Её алые губы изогнулись в усмешке, а палец вновь поднялся, и на этот раз он указала прямо на спящую Дрианту. Угроза была абсолютной.

“Нет, — пронеслось в моей голове с железной решимостью. — Я не отдам тебе её Никогда”.

И тогда, как эхо из кошмара, в памяти всплыли слова Дрианты, сказанные чужим голосом: *“Ключ в изумрудной ловушке”*.

Что это было? Галлюцинация, наведённая стрессом? Или чьё-то послание? Предупреждение? Помощь, протянутая из самой тьмы? Но кем? И, что самое главное, — какой ценой?

Глава 5

Как же холодно.

Я инстинктивно потянулась за одеялом, но пальцы скользнули в пустоту. Ну конечно. Дрианте мало было собственного — вот она и прихватила моё. Я раздражённо перевернулась на бок, и что-то острое больно впилося в бедро. Сон окончательно исчез.

Прекрасно. Просто превосходно. Решили, раз Луна не сумела меня добить, так просто подсыпать в постель битое стекло?

Холод пробирал до костей. Я с недовольством приоткрыла один глаз — и мгновенно села. Никакой кровати не было. Никакой комнаты тоже.

Под ладонями чувствовалась влажная земля а вокруг поднимались деревья — сотни голых стволов, уходящих в сероватую тьму. На ветвях не осталось ни одного листа, и сначала мелькнула нелепая мысль об осени. Но я точно не могла проспать несколько месяцев.

Я медленно поднялась на ноги и присмотрелась.

По коре каждого дерева проходили длинные красные линии. Они не просто светились — пульсировали, вздувались и снова опадали с медленной, неприятной ритмичностью, слишком похожей на биение настоящих вен.

И тогда всё встало на свои места. Испытание.

Я осторожно оглянулась, стараясь не производить лишнего шума. Тишина вокруг была не обычным отсутствием звуков. Она казалась плотной, гнетущей, будто лес поглотил всё, что способно было шелестеть и дышать. Даже мои собственные движения звучали приглушённо, словно земля не хотела отдавать их обратно.

Я подошла к ближайшему дереву и коснулась одной из пульсирующих линий. Кора под пальцами едва заметно дрогнула. Я резко отдёрнула руку. Кожа оказалась испачкана густой, тёплой и липкой жидкостью. Поднеся пальцы к лицу, я сразу почувствовала знакомый металлический запах.

Кровь. Настоящая.

— Ублюдки, — выдохнула я, вытирая руку о край платья.

Отвращение почти сразу сменилось злостью. Я ожидала от Испытания чего угодно: магических ловушек, загадок, возможно, даже честного поединка, если у Арканов вообще существовало понятие честности. Но просто выбросить меня посреди кровоточащего леса без оружия, объяснений и хотя бы намёка на цель — это уже было издевательством.

Осторожно двигаясь между деревьями, я заметила у корней одного из них два предмета. Странно, что не увидела раньше. На земле лежали притрёпанная детская книга и аккуратно сложенный плащ цвета запёкшейся крови.

— Безмерно тронула вашей заботой, — пробормотала я, поднимая плащ.

Ткань оказалась грубой, но стоило набросить её на плечи,

как холод немного отступил. Почти сразу из чащи донёсся низкий скрежещущий звук.

Я замерла. Звук был коротким, словно что-то тяжёлое провело когтями по древесине, а затем лес снова погрузился в тишину. Я вгляделась в пространство между стволами. Никого.

Но ощущение чужого взгляда появилось мгновенно. Похож на обычное чувство, когда кажется, будто за тобой наблюдают. Это давление ощущалось почти физически между лопатками, на затылке, по коже рук. Кто-то находился в лесу и уже знал, что я здесь. Возможно, хозяин. Возможно, то самое чудовище, в логово которого меня так любезно бросили.

Я медленно опустила взгляд на книгу. И сердце неприятно сжалось. Обложку я знала. Эту сказку детям рассказывали шёпотом возле камина, особенно если хотели отбить желание уходить ночью в лес.

“Сказка, что шепчет лес”

Я присела на корточки и осторожно открыла ветхую книгу. Страницы хрустнули под пальцами, словно слишком долго лежали в сырости.

— Жила-была девочка по имени Кирана, — прочитала я вслух, и собственный голос прозвучал в этой тишине почти кощунственно громко. — С самого детства девочка знала, что ей предстоит пройти испытание. В сердце Красного Леса обитает чудовище — порождение двух Арканов Луны и Силы, сосланное за свою непомерную мощь.

Я быстро перелистнула несколько страниц, пропуская детство Кираны, её обучение и подготовку к испытанию. Сейчас меня интересовало одно — как она выжила.

— И вот Кирана сжала в руке маленькую книжку — единственную путеводную нить. Но книга молчала о том, что видели...

Я перевернула страницу. Пусто. Перевернула следующую. Тоже пусто. Я пролистала остаток книги до самого конца, но после оборванной фразы не было ни единого слова.

— Вы издеваетесь?

Я зажмурилась, пытаюсь вспомнить финал сказки. Хотя что-нибудь. Обрывок, фразу, деталь, услышанную много лет назад. Ничего. Ну конечно. Именно сегодня моя память решила быть особенно полезной.

Убить монстра? Прекрасный план. Осталось выяснить, чем именно. У меня не было ни меча, ни ножа, ни даже обычной вилки. Я огляделась, заметила у корней острый камень и подняла его. Очень впечатляюще.

Чудовище, рождённое от двух Арканов, наверняка содрогнётся, увидев меня с булыжником.

— Ну почему я всегда засыпала, когда другие дети слушали сказки до конца? — пробормотала я, поднимаясь.

Ответом снова стала тишина.

Там, где секунду назад находилась сплошная стена переплетённых корней, теперь появилась узкая тропинка. Она уходила между деревьев и казалась темнее всего вокруг, буд-

то не отражала даже слабый багровый свет, исходящий от вен на стволах.

Я сделала шаг, и книги в руках затрепетала. Единственное, что помнила о чудовище, — его имя. Файрон.

— Ну что ж, Файрон, — тихо сказала я, глядя в тёмный проход. — Надеюсь наше знакомство обойдётся без лишних церемоний.

Я прошла несколько метров и внезапно почувствовала, как книга снова задрожала. На этот раз сильнее.

Открыв её, я увидела, как на чистой странице медленно проступают буквы. Они появлялись одна за другой, словно невидимое перо выводило строки прямо сейчас, только вместо чернил по бумаге расплзалась густая бурая жидкость.

“...что видели слуги монстра. И уж тем более в ней не было ни слова о Цене, которую платит маленькая охотница, пролившая кровь дитя Арканов”.

Я замерла, перечитывая строчку снова и снова. “Цена”. Значит, просто убить — не выход? Или выход, но последствия будут ужасны?

Внезапно книга вырвалась из моих ослабевших пальцев и с глухим шлепком упала на землю. Но страница с тайным посланием не смялась. Она легла аккуратно, и бурые буквы вдруг начали перетекать, образуя новые строки. Лес сам писал свою сказку, здесь и сейчас.

“Оружие ищи в плоти Леса”.

И прежде чем я успела что-то понять, книга рассыпалась

у меня на глазах в горстку пепла. Я стояла, парализованная, пытаюсь осмыслить увиденное. Оружие в плоти Леса? Я обернулась, и дыхание застряло в горле.

Вот и началась настоящая сказка.

Передо мной стояла копия меня. Мои черты лица, мой алый плащ, но её улыбка была настолько широкой и неестественной, что казалось, будто уголки губ вот-вот порвутся. Она сделала шаг вперёд. Движение было резким, будто марионетка на невидимых нитях. Инстинкт самосохранения кричал мне: *“Беги!”*.

Я рванула прочь, не разбирая дороги, чувствуя, как за спиной нарастает шелест её шагов — таких же как моих, но в тысячу раз стремительнее. Оно рассмеялось позади моим голосом. Я не собиралась умирать здесь. Не в этой сказке, написанной моей кровью.

Ноги, онемевшие от ужаса, с грохотом зацепились за корень. Я с глухим стоном рухнула на сырую почву. Нет, нет, только не это!

Перекатилась на спину, и сердце провалилось в ледяную бездну. Оно было уже здесь. Моя копия, мой двойник-кошмар нависал надо мной, перекрывая багровый свет пульсирующего леса. Она медленно, почти церемонно склонялась, и это неторопливое движение было страшнее любого броска. Каждый сантиметр её приближения заставлял сжиматься моё горло, вытесняя последние крохи воздуха, последние проблески надежды.

Её лицо было искажено беззвучной усмешкой. А потом... уголки губ поползли вверх ещё дальше, к вискам, обнажая то, что скрывалось за губами. Не просто зубы. Частокол белых, идеальных, но слишком острых и многочисленных игл, будто в пасти какого-то глубоководного уродца. Они переливались влажным блеском.

— Красуешься? — выдохнула я, пытаюсь отползти назад.

Существо не ответило. Лишь приоткрыло челюсти чуть шире, и из её глотки вырвался тихий, булькающий звук, похожий на голодное ворчание хищника. Её пустые, бездонные глаза впились в меня, не моргая. В них не было ни мысли, ни эмоций — лишь бесконечный, всепоглощающий голод.

Я отчаянно ползла назад, чувствуя, как острые камни впиются в ладонь. Существо не спешило. Оно наслаждалось моим страхом. Мой взгляд снова упал на камень. Безумный порыв швырнуть его, едва не одержал верх. Но что-то остановило. Оно было мной. Что, если камень пройдёт сквозь него? Или, что страшнее, оно поймает его и швырнёт обратно с той же силой? Сражать с ним всё равно что сражаться с собственной тенью. Чем яростнее бьёшь, тем сильнее увязает.

— Ты — не я, — прохрипела я, всё ещё отползая.

Двойник сделал ещё шаг. Мысли метались. В Лабиринте Шута нужно было рассказать секрет, но здесь это не сработало бы. Оно бы давно напало на меня. Не могли же меня просто отправить на смерть. Должен был быть выход.

И я поняла. Оно питалось моим страхом. Чем больше я отступала, тем сильнее оно становилось. Моя копия была моим страхом, обрётшим плоть.

Что было моим худшим страхом? Не смерть. Не боль. А быть недостаточно сильной. Провалить испытание. Умереть ничтожеством. Это существо было олицетворением моего стыда, моей неуверенности, моего страха перед самой собой. Ну точно. Файрон — сын Луны, а значит мог получить способность от матери управлять кошмарами.

Я заставила себя перестать пятиться. Ноги дрожали, но я поднялась и посмотрела в пустые глаза двойника.

— Я тебя боюсь, — произнесла я тихо.

Существо дёрнулось. Я сама удивилась словам. Но ложь здесь уже однажды едва не стоила мне жизни.

— Боюсь оказаться слабой. Боюсь не справиться. Боюсь умереть ничтожеством и оставить после себя только очередную историю о дурной девке, которая полезла туда, куда не следовало.

Двойник замер, его жуткая улыбка дрогнула. Существо ждало удара, страха, бегства. Но не этого.

— Но страх не делает тебя мной. Ты часть меня. Не хозяин.

Раздался звук, похожий на звон бьющегося хрусталя. Трещины побежали по телу двойника. Его ухмылка распалась, а тело рассыпалось, как песчаный замок. Не было ни крика, не взрыва — лишь тихий шелест.

На том месте, где оно стояло, теперь лежал костяной шип, что я должна была найти в “Плоти Леса”. Я подняла его. Рукою идеально ложилась в ладонь. Я не победила его силой, а растворила правдой. И этот урок, я чувствовала, был куда важнее, чем любое умение сражаться.

И где-то в самой глубине чаши, мне почудилось, будто кто-то невидимый медленно и одобрительно захлопал. Уж не тот ли отпрыск Арканов, чьё имя я боялась даже подумать?

Но сама судьба, казалось, услышала мою мысль и решила над ней поиздеваться. Из самой тени, куда не достигал пульсирующий свет, прозвучал голос. Глубокий, с лёгкой хрипотцой, он показался мне на удивление приятным. Таким голосом могли бы признаваться в любви или читать стихи у камина.

— И чем же ты так насолила моей дорогой матери, что она удостоила меня такой посылкой?

Я застыла.

Из темноты вышел мужчина. Он появился словно из самого промежутка между деревьями и небрежно прислонился к одному из стволов. В его позе было что-то ленивое,, но эта расслабленность не обманывала: так мог лежать хищник, уверенный, что добыче всё равно некуда деваться.

— Надеюсь, ты не из тех невоспитанных гостей, что приходят без приглашения и ещё оставляют после себя мусор? — добавил он, бросив взгляд на кучку пепла.

Я узнала сходство почти сразу.

Файрон был богохульно красив — живая копия Луны, что отрицать родство было бессмысленно. Те же почти невозможные черты лица, та же нечеловеческая правильность, но в нём было боль чего-то дикого, неотёсанного. Его глаза казались полностью чёрными, зрачки поглощали свет, и от одного взгляда в них возникало неприятное ощущение.

Его одежда — простые чёрные штаны и рубашка с расстёгнутым воротом — казалась нелепой в этом месте, пока я не поняла: ему не нужны доспехи. Он сам был оружием.

Его взгляд с лёгкой насмешкой скользнул по моему алому плащу, и в этой звёздной пустоте мелькнула тень — стремительная эмоция, которую я не успела понять. То ли боль, то ли ностальгия.

Затем его внимание привлекло движение моей руки. Я забыла, что до сих пор сжимаю в потной ладони тот самый костяной шип. Файрон уставился на него, и его идеальные брови поползли вверх. А затем он разразился хохотом. Это был взрыв безумного, искреннего веселья. Он смеялся, запрокинув голову.

— О, ты нашла заточку? Гениально.

Слишком резко эмоции сменились на его лице. Улыбка стала похожа на оскал.

— Раз, два, три, — его голос стал тише, но приобрёл металлический оттенок. — Серый волк идёт за тобой.

Я попятилась, но Файрон не двигался. Только следил.

— Знаешь, — продолжил он почти задумчиво, — я всегда

любил эту считалочку. В ней есть простая истина: когда начинается охота, поздно спрашивать, почему выбрали тебя.

Его пальцы медленно сжались в кулак.

— Три, четыре... Пора бы уже и побежать, птишка. Я даю тебе десять секунд. Используй их с умом.

Я не стала дослушивать что он скажет дальше. Развернулась и побежала в лес. Позади не было слышно шагов, но это ничего не значило. Он давал мне фору, и я была бы душой, если бы ею не воспользовалась.

Я мчалась, спотыкаясь о корни. Ноги подкашивались, в глазах стояли тёмные пятна, когда сквозь голые стволы передо мной вырос чёрный, как уголь, дом с выщербленными ставнями и остроконечной крышей. Я остановилась, опираясь на колени, пытаюсь вдохнуть воздух, который казался густым и мёртвым.

И тут же, будто поджидая, из леса донёсся его голос:

— Пять, шесть...поскорее в двери влезь, — пропел он с насмешливой укоризной.

Сердце ёкнуло. Резким, отчаянным движением я распахнула тяжёлую скрипучую дверь. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то сладковато-гнилостным. Передо мной зиял лабиринт тёмных коридоров.

Не думая, на одном инстинкте, я взлетела по массивной лестнице на второй этаж, рванула первую попавшуюся ручку и юркнула в комнату, притворив дверь. Я прислонилась спиной к холодному дереву, пытаюсь заглушить стук сердца.

И в этой звенящей тишине внизу, с идеальной театральной паузой, раздался оглушительный грохот. Парадная дверь с треском распахнулась.

Файрон вошёл. Его шаги по каменному полу прозвучали чётко и неспешно.

— Семь, восемь... — его голос, теперь уже изнутри дома, приобрёл интимные нотки. — ...охотницу мы попросим костей не ломать.

Мне конец. Как справиться с монстром, который заманил в собственную берлогу и решил развлечься игрой в прятки? Придумать план? Правда была в том, что никакой план не помог бы против существа, читающего этот лес как открытую книгу.

Я оглядела мрачную комнату мрачную, но не затянутую паутиной. Видимо, единственную, которая была более менее пригодной для жизни. Взгляд упал на массивную кровать. Банально? Возможно. В этом чёртовом замке сотни кроватей. Не будет же он проверять каждую.

Я осторожно залезла под кровать, пару раз чуть не чихнула от скопившейся пыли и застыла в ожидании. Его шаги, тяжёлые и неспешные, уже раздавались на лестнице. Наблюдал ли за этим Шут? И было ли это испытание, а не изощрённая ловушка?

Файрон не издавал ни звука. Его шаги прошли мимо комнаты. Я почувствовала, как из груди вырывается облегчённый выдох. И в тот же миг ручка двери с тихим щелчком

повернулась. Почему судьба такая сука?

Он вошёл. Его тень скользнула по стенам. Я видела только его сапоги, медленно прошедшие по комнате и остановившиеся у окна. Заметил? Я сжала в руке костяной шип, готовясь к смертельному броску. Но он развернулся...и вышел. Снова повезло.

— Твои ноги было видно, — раздался его спокойный, насмешливый голос прямо справа от меня.

Я медленно перевела взгляд. Он стоял на колене, откинув край покрывала, и его бездонные чёрные глаза с холодным любопытством рассматривали меня, как букашку. Его взгляд снова скользнул по алому плащу, и в его глазах вспыхнула ненависть.

Резким движением он притянул меня к себе. Я вскрикнула, ударившись лицом о его холодную грудь, и в следующее мгновение мир перевернулся. Он оказался сверху, придавив меня своим весом к пыльному полу, его колено болезненно упёрлось мне в солнечное сплетение, вышибая воздух.

С нечеловеческой силой он поднял меня, держа за горло. Я затрепыхалась и повисла в воздухе, ноги бессильно брыкались. В ушах звенело, а в глазах темнело от нехватки кислорода.

— Са...дист... — прохрипела я, царапая его руку ногтями.

Он удивлённо приподнял бровь, но тут же его глаза вспыхнули холодным огнём. Это была моя единственная надежда. Пока он наслаждался моей агонией, моя свободная рука, всё

ещё сжимавшая костяной шип, рванулась вверх. Шип с глухим, влажным звуком вонзился ему в плечо.

Файрон с оглушительным рёвом отшвырнул меня. Я тяжело рухнула на пол, откатываясь и жадно глотая воздух. Он схватился за рану, из которой сочилась тёмная субстанция, и его лицо исказила гримаса чистейшей ярости и боли.

— Зачем тебя послала моя мать? Чтобы напомнить о ней? — взревел он. — Чтобы ты, жалкое, безмозглое создание, без капли магии в жилах, тыкало в меня острыми палками? Она не может сама закончить то, что начала, и шлёт...тебя! Как ты вообще дожила до этой встречи?!

Он начал надвигаться на меня, и в его глазах плясал тот самый, обещанный сказками, садистский огонёк.

— Но...испытание...— выдохнула я, больше не в силах скрыть дрожь. — Я должна пройти...

Файрон замер, будто я сказала нечто настолько абсурдное, что это выбило его из колеи. Затем медленно выпрямился во весь свой неестественно высокий рост.

— Какое ещё испытание? Ты идиотка?

Я собрала остатки воли в кулак, поднимаясь на ноги.

— Что? Разочарован? — голос сорвался, но я продолжила. — Ожидал, что я буду молить о пощаде, как та девочка из сказки? Рыдать и просить пощады?

Его лицо снова исказилось. На сей раз не яростью.

— Не смей говорить о том, о чём не имеешь понятия, — прошипел он. — Ты не знаешь, о чём эта сказка. Не знаешь,

чем она закончилась.

— А ты знаешь? — огрызнулась я, отступая на шаг. — Для меня она закончилась тем, что монстр убил охотницу. Классический хэппи-энд.

На его лице вспыхнула боль, ярость и горькая насмешка.

— Ошибаешься, — он бросил взгляд на мой алый плащ, и его глаза сузились. — В той сказке охотница осталась жива. Монстр пощадил её. И это была куда большей трагедией для них обоих, чем быстрая и чистая смерть.

Он замолчал, будто прислушиваясь к эху своих собственных слов. А потом его оскал вернулся.

— Но ты, дорогая охотница, живой не останешься. Я пришлю твою голову моей матушки в изящной коробочке. Напоминание о том, что следующая в этом списке — её собственная.

Он сделал стремительный выпад, его пальцы с острыми когтями были в сантиметре от моего лица. Я зажмурилась...

И тут же что-то холодное и невесомое обхватило мою талию сзади. Воздух за клубился, завертелся, наполнился серебристым дымком. Я почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Последнее, что я увидела, прежде чем мир растворился в сияющем тумане, — это искажённое бессильной яростью лицо Файрона. Он взревел, и в его крике было столько ненависти. А потом его не стало. Вместо пыльной комнаты в доме-ловушке передо мной возникли знакомые очертания. Я

стояла в комнате во дворце, на полу, а передо мной стояли Шут и Луна.

Луна, её совершенное, холодное лицо было бесстрастным, но в глазах читалось раздражение. Она сделала изящный жест в мою сторону, словно указывала на надоедливую жука.

— Видишь? Цела и невредима. Твоей находчивость можно позавидовать. Полагаю, мой сын не успел проявить к тебе более пристального внимания.

Цела и невредима. От этих слов во мне что-то оборвалось. Адреналин, страх и ярость нашли наконец выход.

— О, да, просто невероятно повезло! — голос мой задрожал от ярости. — Он всего-то заманил меня в логово, поиграл в прятки со смертельным исходом, натравил на меня моё же отражение и чуть не раздавил мне горло! Небось, это у вас называется “тёплым приёмом”?

Я стояла, едва держась на ногах, вся в пыли и ссадинах, и чувствовала, как по мне скользит тяжёлый, невыразительный взгляд Шута. Он застыл в своей обычной позе. Его маска-личина скрывала любое выражение, но я вдруг с абсолютной ясностью поняла: он наблюдает. Не как равнодушный зритель, а как стратег, оценивающий повреждения на поле боя.

Он медленно, почти лениво скользнул ко мне. Его движение было настолько бесшумным, что казалось, он не идёт, а перемещается тенью. Его взгляд упал на мою шею, на багро-

вые отпечатки пальцев Файрона. Он измерил их, затем его глаза скользнули по всему моему телу, фиксируя каждую царапину. Тонкие губы искривились в безрадостной усмешке. Раздалось тихое, но отчётливое цоканье языка — звук предельного недовольства.

— Что? — рявкнула я, поворачиваясь к нему. Моё терпение лопнуло. — Тебя что, ни разу не душили?

Повисла тяжёлая пауза. Луна смотрела на меня с любопытством, Шут медленно поднял на меня взгляд. В его глазах не было ни сочувствия, ни гнева — лишь трезвая, безжалостная ошибка ущерба. Но в глубине, я увидела нечто иное: не беспокойство обо мне, а беспокойство о сломанном инструменте. О нарушенных планах.

— Душили, — ответил он почти буднично. — Обычно это заканчивается хуже для второй стороны.

— Это и была цель? — не унималась я, чувствуя, как от ярости дрожит тело. — Бросить меня ему на растерзание, чтобы посмотреть, что будет?

Повисла тишина. Шут и Луна напряжённо переглянулись. Луна первая нарушила молчание. Её голос звучал с неприкрытым раздражением:

— Девочка, ты не должна была там оказаться. Испытание было другим. Более контролируемым..

Она сделала паузу, её бездонные глаза изучали меня.

— Мы думали, что ты проявила инициативу и сбежала. Но теперь ясно — кто-то всё подстроил. Кто-то, кто хотел не

испытать тебя, а убить. И бросить тебя в пасть к моему сыну было бы идеальным способом скрыть концы.

Я обомлела от услышанного.

— Что значит, я не должна была там оказаться?

Луна раздражённо цокнула и резко развернулась.

— Это не твоя забота. Пока что, — она бросила это через плечо, уже направляясь к выходу. Но на самом пороге замерла и медленно обернулась. — Слушай меня очень внимательно. Держи это в секрете. Для всех — ты успешно прошла испытание. Если кто-то спросит, в чём была его суть — соври. Скажи, что победила. Неважно. Главное — ни слова о лесе и моём сыне. Ни слова о том, что тебя подставили. Поняла?

Она не стала ждать ответа. Дверь за ней бесшумно закрылась. Я осталась наедине с Шутом, всё ещё не в силах осознать произошедшее. Кто-то здесь, во дворце пожелал моей смерти. Кто-то, кому я помешала.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.